

Лаборатория чувств

Часть 1

Ирина
Мельникова

Ирина Мельникова

Лаборатория чувств. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66036294

ISBN 9785005514738

Аннотация

«Лаборатория чувств» – новое телешоу, где участникам предстоит подтвердить или развеять легенду о любви. Двадцать человек, десять пар. Каждый имеет свой жизненный опыт и характер. Единственное, что их объединяет – друг с другом они не знакомы. Сможет ли хоть одна пара почувствовать симпатию друг к другу и заключить брак после шоу? Именно такую цель ставят организаторы. А на кону – миллион рублей. Нужно лишь убедить зрителей, что чувства с партнёром взаимны. Или влюбиться на самом деле.

Содержание

Лаборатория чувств	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	49
Глава 7	65
Глава 8	80
Глава 9	87
Глава 10	95
Глава 11	114
Глава 12	120
Глава 13	125
Глава 14	132
Глава 15	138
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Лаборатория чувств

Часть 1

Ирина Мельникова

© Ирина Мельникова, 2021

ISBN 978-5-0055-1473-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0055-1474-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лаборатория чувств

Пролог

– Формулы, точно характеризующей любовь и способной определить, как и в какой момент зарождается это чувство, не существует. Но сегодня, сейчас, в этом шоу, мы попытаемся доказать вам, что любовь можно создать. Мы открываем новое уникальное шоу «Лаборатория чувств»!

Я смотрю на ведущего через экран, находящийся за кулисами, и ловлю себя на том, что вновь кусаю губы. Дурная привычка, из-за которой уже через пять минут я рискую остаться без помады.

Нужно взять себя в руки. Успокоиться.

Моё тело дрожит, колени подгибаются. Где-то глубоко, в районе желудка, раздаётся громкое сердцебиение. Я не волновалась так сильно даже когда ждала результатов при поступлении в вуз мечты. Даже когда случайно встречала в коридоре *того самого* парня на переменах.

Так мне сейчас казалось.

В мыслях мелькает запоздалое: «Зачем я в это ввязалась?». Но кто-то громко кричит за спиной: «Приготовились!» – отчего все девушки рядом со мной вытягиваются в струнку и делают глубокие расслабляющие вдохи и выдохи.

На экране вместо ведущего появляются цифры – обратный отсчет.

Десять, девять, восемь...

Прямой эфир, федеральный телеканал, миллионы зрителей...

Семь, шесть, пять...

Обратного пути уже нет. Нужно собраться. Вдох...

Четыре, три, два...

Выдох... Я не могу... Не могу! Мне страшно!

Один, ноль.

– Пошли! – властно командует голос.

Меня толкают в спину. Я делаю шаг, второй. В лицо ударяет яркий свет софитов, и я теряю способность ориентироваться в пространстве, двигаться, думать. Я помню только одно: я – участница телешоу «Лаборатория чувств».

Глава 1

Легко взбежав по внушительным ступенькам на третий этаж, я энергично нажимаю на кнопку электрического звонка. Сколько раз я так делала? Несколько раз в неделю на протяжении двенадцати лет.

– И-иду! – раздаётся звучное и протяжное откуда-то из глубин квартиры, и через пару секунд дверь передо мной приветливо распахивается. – Привет! Проходи.

Оля, одной рукой вытирая мокрые волосы, другой проворно закрывает за мной дверь на замок и шлёпает в комнату босыми ногами.

– А твои где? – вслушиваясь в неожиданную тишину, интересуюсь я.

В скромной Олиной двушке в старом доме послевоенных лет ухитрялись жить сразу пять человек: она сама, родители, и старший брат с женой. А ещё кот Пафнутий, который заслуживает отдельной истории. Если коротко, кот разрешает домочадцам жить в своей квартире. Вот и теперь, развалившись прямо посреди кровати, он смеривает меня презрительным взглядом и, отвернувшись к окну, лениво прищуривается. Я осторожно опускаюсь на краешек: моё тело прекрасно помнит когти этого зверя.

– А, Андрей с Катькой в торговый центр отправились, родители на даче. Мы тут с Пафнутием вдвоём хозяйничаем.

Чай будешь?

– Буду, – не стала отказываться я.

Но мой ответ тонет в громком рёве и скрежете. Оля недовольно морщится и, повысив голос, комментирует:

– Эти вверху сегодня весь день сверлили, пилили, строга-ли – задолбали, – и призывно машет рукой, мол, пойдём.

Мы плавно перемещаемся на кухню, где я свободно са-жусь на стул и откидываюсь на спинку, радуясь, что хоть тут не заняла место кота и могу посидеть спокойно – слишком жестко здесь для этого барина.

Оля без суеты достаёт из шкафчика кофемолку и прини-мается готовить крепкий напиток, от запаха которого прият-но кружится голова.

А мой взгляд перемещается на пышно цветущую у ок-на розу в огромной кадучке, которая стоит здесь, наверное, с тех пор, как началась наша с Олей дружба. А было это еще в третьем классе. До этого ни я, ни она особо друг друга не замечали. Но однажды на каникулах всем классом отпра-вились на пикник в ближайшую рощицу, и моя «врагиня» тоже, с которой я тогда была в ссоре – уже и не помню, из-за чего весь сыр-бор был, но так мы и не помирились до конца до сих пор; скорее, сохранили холодное перемирие и разо-шлись в разные стороны. Тогда мы приносили каждый свою еду и ели все вместе, делясь друг с другом. А эта девочка (я не буду называть её имя, ладно?) решила настроить против меня класс и всех потихоньку – так, чтобы это не ускользну-

ло от моих глаз, но учительница не слышала, – науськивала:
– Не ешьте у Платоновой. У неё тухлые огурцы и картошка прошлогодняя – отравитесь. На тебе мой помидор, хочешь? Только сегодня сорвала с грядки.

Она была отличницей и, конечно, у неё в этой войне шансов на победу было больше. Ребята косились в мою сторону и потихоньку отворачивались, игнорируя угощение. Было обидно до слёз. А учительница так ничего и не заметила.

И единственным человеком, который меня поддержал, была Оля. Она повернулась к моей обидчице, выслушав про «не ешь у неё», и довольно резко заявила:

– С чего вдруг?

И когда та завела свою песню про «тухлые огурцы», оборвала на полуслове:

– Да пошла ты! – и потянулась к моим огурцам – тем самым, свеженьким, которые мы с мамой накануне привезли с дачи. И с тех пор взяла надо мной шефство. Никому не давала в обиду.

У Оли сильный характер, и она не раз помогала мне выбраться из ситуаций, когда хотелось лечь, свернувшись калачиком, и тихонько плакать в подушку. И больше уже не вставать. Никуда. Ни за чем.

Последний раз это было почти год назад (я имею в виду серьёзные случаи), когда я провалила экзамены в московский вуз.

Свою мечту стать актрисой и жить в столице я лелеяла

очень долго. Всё в том же третьем классе решила, что буду играть на сцене и обязательно снимусь в кино со своим любимым актёром Сергеем Безруковым. Но, вопреки тем историям, которые я слышала от многих известных личностей, что они ещё в саду без просьб забирались на стул и читали стихи, а в школе участвовали во всех концертах и КВНах, я была очень тихой и скромной. Пару раз удостоилась эпизодических ролей в местной самодеятельности, окончила актёрский кружок в Доме быта, знала наизусть несколько ярких стихотворений – вот и весь мой багаж. Поэтому поступать ли после одиннадцатого класса в театральный, сомневалась. Ну кто я такая? Что могу показать? Ни опыта, ни таланта. Только мечта и стремление работать не покладая рук.

Те, в ком не хватает опыта и таланта, берут упорством и наглостью. У меня и этого не было. Поэтому я поддалась маминым уговорам, хотя тайно, конечно же, подала документы в московские вузы, но не прошла.

Отучившись на факультете со сложносочинённым названием «Социология, культурология и политология», в прошлом году я всё же попробовала подать документы в несколько столичных вузов с громкими именами. И пожила пару месяцев в столице, предполагая, что обратно на малую родину уже не вернусь. Требования у всех были примерно одни и те же: чтение басни, стихотворения и прозы, песня, если умеешь петь (а если не умеешь – всё равно песня). При дальнейшем прохождении – дополнительные зада-

ния из разряда «удиви меня».

Я просмотрела сотни видео и прочитала несчётное количество познавательной литературы о том, как подготовиться и поступить. Но когда стояла в бесконечном ожидании своей очереди на прослушивание и в тысячный раз повторяла заученные до зубного скрежета фразы, коленки дрожали.

Самомотивация: «Главное – поверить, и я точно поступлю» не сработала. В трёх вузах я провалилась на первом туре. В четвёртый уже не пошла. Моральных сил просто не было, за что Оля меня, конечно, очень ругала. А мама вздыхала и пару раз не преминула сказать любимую фразу всех мам: «А ведь я говорила».

И я вернулась в свой город.

Это было не первое, но очень крупное моё разочарование в жизни. Не только в собственных силах и жестокости театрального мира, который отказывался меня принимать, но и в городе, которым я грезила.

Несмотря на то, что жила я всю жизнь в довольно большом городе в двух часах езды от столицы, мне казалось, что вся жизнь – именно там. Я приехала в Москву с широко распахнутыми глазами провинциалки, но скоро поняла, что люди здесь давно перестали замечать друг друга. Вот ты едешь, спишь, иногда выходишь на улицу... А если завтра не выйдешь – никому нет до тебя никакого дела. Никто не заметит. И вроде везде люди... А ты один.

Может быть, это моральный упадок сыграл свою роль при

поступлении. А может, я и впрямь не слишком талантливая. Но когда я начинаю думать, что у меня что-то плохо, сразу же всплывают и другие недовольства собой: не умею играть на музыкальных инструментах, плохо знаю английский, непластичная, неартистичная... В итоге выходит, что я абсолютно никчёмная, и жить мне попросту незачем.

Примерно в таком состоянии я и вернулась с позором в родной город. Нет, никто в меня пальцем не тыкал (об этом моём опыте вообще мало кто знал), но мне казалось, что теперь моя жизнь пойдёт под откос. И нужно было куда-то устраиваться на работу, искать новые смыслы и как-то жить... А как?

– Эй, Земля вызывает! Ты опять в мечтах со своим прекрасным принцем скачешь по розовым полянкам и собираешь благоухающие первоцветы?

– Чего? – смеюсь я, поворачиваясь к подруге и замечая, что она давно уже, вероятно, протягивает мне кружку с горячим и аппетитно пахнущим кофе. – Спасибо.

– На здоровье. А о чём тогда задумалась?

– Вспомнила, как ты помогла мне на работу устроиться, – немного лукавила я.

– Пфф, – фыркает она. – Тоже мне, ценное воспоминание. Замуж тебя пора выдавать.

– За кого это?

– Найдём кого-нибудь.

– О, кстати, я сегодня ехала в маршрутке на работу, а там

красавчик, похож на Энрике Иглесиаса. С такой же лёгкой небритостью на щеках и в солнечных очках как в клипе. Я так и сяк перед ним – улыбалась загадочно, посматривала в его сторону с ноткой кокетства – кому не хочется Энрике очаровать? А потом солнце подсветило ему очки, и я увидела, что он спит.

Оля пшикает от смеха.

– На реальных людей смотреть надо. А ты всё об Иглесиасах мечтаешь.

– А этот чем не реален? В одной маршрутке ехали! – при творно возмущаюсь я.

– Ой, у тебя и Серёжка был рядом, а всё равно недостижимый.

– Ну вот зачем ты на больное?

– Какое ж это больное? Столько лет уже прошло! Плюнь да разотри.

Легко сказать.

Хотя, конечно, я давно уже не чувствую и вполтину того, что ощущала тогда, в школе, когда была влюблена в него.

– Ну согласишься же, что он красавчик.

– Ну конечно, – не стала спорить подруга. – Взмахнет своими опахалами, девчонки все тают.

Я смеюсь. Длинные тёмные ресницы – лишь одно из многочисленных достоинств этого парня. Он был сложен как греческий полубог. И, конечно, пользовался бешеной популярностью среди девчонок. Учился в параллельном классе,

встречался то с одной, то с другой. А моя безнадежная влюбленность каждый вечер катилась из глаз потоками горьких слёз.

Я разрабатывала планы по покорению неприступной горы Арарат, но ни разу так и не приступила к их реализации. Только подружке осмеливалась признаться:

– У него такие красивые глаза! Я когда-нибудь ему об этом непременно скажу.

Только теперь, спустя годы, понимаю, какой наивной дуручкой была тогда. Да и сейчас. Ему наверняка говорили об этом, и не один раз.

– Лучше скажи, какие ровные зубы. Это оригинально, – с серьёзным видом шутила подруга, чем обижала мои высокие чувства до глубины души.

А на выпускной вечер сбылись мои самые заветные мечты и чаяния. Нас поставили танцевать в одну пару. Я была (и остаюсь) довольно высокой девушкой, поэтому партнера мне подбирали по росту (хоть где-то он пригодился!). Кандидатов было немного, и мне повезло. На репетициях я летала. И выпускной запомнила на всю жизнь.

Правда, без ложки дёгтя не обошлось. Когда Серёжу только поставили мне в пару, я улыбнулась и что-то сказала, вроде: «Будем вместе танцевать? Здорово», а он даже не взглянул на меня со своей высоты и невозмутимо отвёл глаза в сторону, словно жужжание мухи в навозе его не касается. Не обольщайся, мол.

Улыбаться сразу расхотелось. Дура!

Ну и подумаешь. Всё равно я была счастлива.

А подруга и моя сестра подкалывали меня, не стесняясь, всё это время.

– Как она?

– Всё ещё в плену иллюзий.

Его чары до конца так и не развеялись. Но после выпускного мы виделись всего пару раз – пути разошлись. Я слышала, что он живёт с девушкой, но жениться на ней не торопится. А я смотрю на его новые фото в социальной сети и думаю: красота в нём осталась прежняя, но какой в ней прок, если она холодная? Если душевного тепла нет. И взгляд – жёсткий, колючий, понизывающий. Я раньше не обращала внимания.

В юности прежде всего любишь внешностью – восторгаешься, фантазируешь. Думаешь: «Вот бы он обратил на меня внимание! Это и есть любовь. С остальным я смогу примириться». А мудрость приходит позже. И открывает глаза. И рассыпается идеал.

В красивой картинке что толку? Ну, погордишься немного, потешишь своё самолюбие – дальше-то что? Эквивалент полезности равен нулю. Уважения и понимания нет. Взаимные интересы тоже отсутствуют. Тупик. Вот и разводятся, и расстаются.

Какой вывод я сделала из этой своей первой любовной истории? Как сказал Эрик Шмитт: «Где только не умудряется

свить гнездо романтика?! Ей казалось, что нет ничего прекраснее, чем любить мужчину, который ей недоступен». Вот и я сделала вывод и пошла дальше – наступать на те же грабли.

Нет, я точно знаю, что хороший человек в моей жизни появится. Но не сейчас. Разве может он отыскать меня, когда я почти каждый вечер бреду мимо серых многоэтажек в дурном настроении? Разве может случиться чудо среди обгоревших надежд? А на что мне, скажите, надеяться, когда в двадцать два года я почти каждый день встаю рано утром, наскоро завтракаю, отправляюсь в салон красоты (актриса, называется! Нашла себе применение!), просиживаю за стойкой администратора, выслушивая порой недовольных клиентов (кому качество не угодило, кому цена), убираю рабочие места парикмахеров, бегаю за булочками в соседний киоск когда попросят – ну прямо мечта, а не жизнь! И для этого я училась четыре года. Уж лучше бы опросы на улицах проводила.

Или не лучше?

Так хочется, чтобы всё было хорошо! И вроде бы всё нормально, но не так, как хочется.

Оля говорит, что для этого нужно стараться, а я опустила руки. Да, я, может, такая инертная, но когда смотрю, как другие в мои годы уже покоряют мировые площадки... А я тут, на кухне в хрущёвке... Чаи распиваю... Кофе, точнее.

«Это не всем дано, а единицам», – у Оли на всё есть ответ.

Она оптимистка, а со мной трудно. Но я работаю над собой, честное слово.

– Так, я придумала. Чтобы мечта сбылась, надо её визуализовать, – выдаёт подруга очередную умопомрачительную идею. – И составить план.

– Очень интересно, – хмыкаю в ответ.

– Минуточку, – подруга испаряется в дверном проёме, а через минуту возвращается со своим ноутбуком и взгромождает его прямо на обеденный стол. Мне достаются бумага и ручка.

– Это зачем?

– Пиши: «Что нужно для обретения любви».

Я смеюсь над детской глупостью, которой мне кажется эта идея.

– Пиши-пиши, – совершенно серьёзно заявляет Оля. – У тебя красивый почерк. Это прям пятьдесят процентов успеха.

– Да уж.

– Первое. Нам нужен объект, с которым эта взаимная любовь возникнет.

Я пишу: «Объект» (звучит как-то странно и не по-живому), и задумчиво зависаю с ручкой в руке. С объектами вокруг меня дела обстоят средненько – они вроде и есть, и в то же время не представляют особого интереса. Весь мой круг общения сейчас – на работе. А там если и забежит какой молодой и красивый на стрижку, то на меня внимания не об-

ращает. А о тех, кто обращает, и вспоминать-то не хочется.

Может, кто-то и привык работать с тем, что есть («я его слепила из того, что было»), но мне всегда нужно что-то другое, что-то большее.

– Второе, – продолжает подруга, не давая мне толком одуматься. – Позитивный настрой.

Настрой – это очень важно. **ОЧЕНЬ**. Я всегда думала: вот влюблюсь – и что дальше? Из пары статей в журналах уяснила, что, если человек создает любовь вокруг себя и сам улыбается миру, то рано или поздно любовь снизойдёт до него и в личной жизни. Я пока, видимо, плохо стараюсь.

– А это у нас что? – неожиданно сбивается с курса подруга, привлекая моё внимание. Я придвигаюсь ближе и гляжу на экран. – Смотри-ка, наша красавица собирается участвовать в телевизионном шоу!

Мой взгляд сразу же становится рассеянным, а любопытство сменяется равнодушием. Школьная красавица Лена Батищева стоит на фото с номером 586 на груди и счастливо улыбается, демонстрируя всем свою шикарную улыбку. Под фотографией значится: «Первый день кастинга. Телешоу „Лаборатория чувств“. Пожелайте мне удачи!».

– Это что ещё за шоу такое? – заинтересованно тянет Оля и уже набирает название в поисковике.

Оказалось, новый телепроект на федеральном канале. Суть его в том, что в течение двух месяцев в прямом эфире зрители будут наблюдать за судьбой пар, отобранных случай-

ным методом. Авторы проекта гарантируют, что с помощью специальной программы, разработанной психологами, проводя совместно почти двадцать четыре часа в сутки, прямо на глазах зрителей зародится любовь и появится новая пара, а может быть, и не одна. К тому же на кону внушительный приз – миллион рублей.

– Для начала нужно пройти кастинг. По результатам отбора оставят сотню парней и девчонок, каждому из которых будет присвоен номер, а после психологи определяют десять пар-участников, подходящих друг другу, – читает вслух Оля, всё больше вдохновляясь. – Кастинги пройдут 28, 29 и 30 мая. Поторопитесь, у вас ещё есть шанс! Для того, чтобы подать заявку, необходимо заполнить анкету. Маш, это наша возможность убить сразу двух зайцев!

Я недоверчиво хмыкаю.

– А говоришь, это я в облаках витаю. Там уже отобраны актёры и сценарий расписан.

– Ну и что! Зато посмотрим изнутри, как эти кастинги проходят. А представляешь, если вдруг тебя выберут?! Такая слава сразу накатит, что никакой театральный вуз уже будет не нужен, а режиссёры станут драться за такую медийную личность как ты!

– С ума сошла? Я не собираюсь в этом участвовать.

– А может, попробуем? Машка, ну весело ж будет!

– Обычно так все крупные неприятности и начинаются. С чьих-нибудь слов: «Весело будет».

– Я вот никогда тебе не отказываю. Ты можешь вместе со мной заполнить анкету? – И почти по слогам повторяет: – Просто заполнить анкету.

– Нас всё равно не выберут.

– Вот именно.

И она принимается заполнять свою заявку. Фамилия, имя, отчество, возраст, описание внешности, фото – крупно лицо и в полный рост, описание мужчины мечты, увлечения, номер телефона. Потом берётся за мою заявку. Я диктую данные, Оля вводит. Специально называю всё наперекор. Например, мужчина мечты – мне всегда нравились брюнеты, но пишу про блондинов. Оля знает, но спорить не стала.

«В конце концов, – думаю я, – из этого всё равно ничего не выйдет».

Мы посидели ещё немного, выпили по чашке кофе, посмотрели фильм, и лишь когда старший брат Оли с женой вернулся, я отправляюсь восвояси. Благо, идти недалеко: через двор – и готово.

А на следующий день после обеда – неожиданно-негаданно – звонок.

– Мария? Добрый день! Вас беспокоят из нового телевизионного шоу «Лаборатория чувств». Мы получили Вашу заявку и хотим пригласить Вас на кастинг. Он состоится завтра в десять часов утра. Записывайте адрес.

И даже не спросили, хочу ли я этого и будет ли мне удоб-

но. Хотя это, вероятно, подразумевается само собой, ведь я же якобы добровольно заполнила эту заявку. Дурацкая была идея!

Едва завершив разговор, набираю номер Оли. Но она не даёт мне и слова сказать (хотя я приготовила такую внушительную гневную речь и веское «я никуда не пойду» в конце):

– Машка, мне позвонили! Только что из нового телепроекта! И пригласили на кастинг! А тебя звали?

– Да, – мрачно выдыхаю я.

– С ума сойти! Готовь свое лучшее платье, мы завтра едем в Москву!

И бросает трубку.

Ненормальная.

Глава 2

Никакое платье я, естественно, надевать не стала. Не было у меня цели понравиться и лезть из кожи вон – лишь бы взяли. И вообще, не нравится мне вся эта авантюра.

Но идти пришлось.

До Москвы добрались на проходящем поезде. После до нужного места за полчаса нас доставил столичный автобус.

Павильон, где мы ждали своей очереди, оказался огромным ангаром. Несколько стульев, мест на всех, конечно же, не хватает. Душно.

Мы получаем свои номерки и, удостоверившись в том, что перед нами ещё как минимум несколько сотен человек, выходим на улицу. Здесь тоже жарко, но порой хотя бы дует ветерок.

– Зря ты всё-таки как замухрышка оделась, – скептически оглядывая мой внешний вид, с присущей ей прямоотой заявляет подруга. – Ну кто надевает джинсы на такое мероприятие? Тем более в жару.

– Отстань, – отмахиваюсь я. – Я вообще домой хочу. Может, ну это всё, а?

– Ага, щас! Вдруг это мой шанс стать успешной и знаменитой? Да ещё и миллион рублей получить в придачу. Блин, нужно было не блеском губы намазать, а помадой. Всех мест-

ных мух уже съела, – недовольно бормочет Оля, смахивая прилипшую мошку.

Я смеюсь и чуть расслабляюсь.

Едва подруга успевает вернуть себе «достойный вид», к нам подкатывает какой-то пацан хипстерской внешности. Рост – метр с кепкой, по возрасту наш ровесник. А вот по чувству самоуверенности явно переплюнет нас вместе взятых.

– Привет, девчонки! Как настроение?

– Только этого нам не хватало, – шепчет в сторону Оля и закатывает глаза.

Не дождавшись реакции, парень продолжает:

– А чё такие невесёлые? Хотите, после кастинга мотнёмся куда-нибудь, кофе попьем? Я люблю чёрное без молока, – смеётся он собственной, видимо, шутке.

– Чёрный, – внятно произносит Оля.

– Чего? – не понимает тот, сразу же став серьёзным.

– Кофе мужского рода.

Вся мыслительная работа отражается у парня на лице. И, видимо, идёт она весьма туго.

– Гуляй, Вася, жуй опилки, – со вздохом разочарования заявляет подруга и, схватив меня за руку, уводит в помещение.

А я и не сопротивляюсь.

Стоит нам зайти в помещение, как в глаза тотчас бросилась удивительная картина: почти половина присутствующи-

щих – из тех, кто ещё ждёт своей очереди – столпилась в одном углу, и там явно что-то происходит. Но не успеваем мы подойти, чтобы понять, чем вызван общественный интерес, как из кучи народа выныривает парень и тотчас, метнувшись и извинительно подняв руки с улыбкой в духе: «Не могу больше, ребята, надо бежать», проскакивает мимо нас в сторону выхода.

Я так и замираю на месте. А когда прихожу в себя через пару секунд, удивлённо бросаю:

– Это же Воробьёв! Видела?

Подруга реагирует весьма спокойно:

– Видела.

Боже мой, Лёша Воробьёв! Красавчик! Как мне нравилась песня «Алиса»! Давно это было...

– А что тогда никак не реагируешь?

– А что я должна? Кричать: «Воробьёв!» и бежать за ним, обливаясь слезами?

Я обиженно поджимаю губы.

– Интересно, он тоже на кастинг пришёл? – хмыкает Оля.

Да уж... Вряд ли. У него-то с личной жизнью и популярностью точно всё хорошо, значит, нечего ему тут делать. Может, в жюри сидел, а теперь вон, на съёмку уехал. Эх...

С другой стороны, если бы я зашла туда и увидела его, не смогла бы и слова вымолвить.

– Пойду посмотрю, на какой там стадии продвижение очереди, – заявляет подруга, оставляя меня одну.

Я оглядываюсь, чтобы ещё раз запечатлеть в памяти прекрасное видение, всё ещё находясь под впечатлением от этой неожиданной встречи, но парень уже исчез. Зато некоторые наиболее ярые фанатки рванули следом, забыв, видимо, зачем вообще пришли сюда, а заодно и меня задели – так, что я непременно полетела бы на пол, если бы не притормозила плечом о кого-то, стоящего рядом.

Хотела извиниться, но наткнулась на колючий и недовольный взгляд.

– Э, – одернул меня этот... парень.

Не знаю, можно ли назвать его существом мужского пола, если он позволяет себе так обращаться к девушкам. Извиниться сразу расхотелось, и я тоже ощерилась.

– Меня толкнули.

Он выглядывает за моё плечо и с усмешкой вновь бросает на меня взгляд:

– Кто? Купидон?

– Да пошёл ты, – только и нахожу, что ответить. Не очень остроумно.

– Обязательно пойду, но моя очередь ещё не настала, – ничуть не обиделся мистер Я-Крутой-Перец.

Я успеваю мельком его оглядеть – и весь его вид подтверждает моё предположение о ярко выраженном представителе «золотой молодёжи». И откуда у них столько наглости? В генах уже, что ли, заложена?

Парень одет в чёрные узкие брюки, белую футболку, тём-

ные кроссовки с белой толстой подошвой. Тёмные, чуть выходящие волосы. Красиво очерченные губы и карие, яркие глаза. Очевидно, любимчик дам. Вот и ещё один повод гордиться собой.

– Что, дар речи пропал? – хмыкает он, заметив, видимо, мой изучающий взгляд. От этого становится не по себе ещё больше.

Но сострить в ответ я не успеваю. Он разворачивается и, уходя, бросает через плечо:

– Мы ещё встретимся.

Его слова звучат как приговор. Или угроза.

– Вряд ли, – хмыкаю я, хотя он и не слышит.

Оля возвращается через минуту и, не заметив моего изменившегося настроения, заявляет, что кастинг проводят сразу в нескольких кабинетах и задерживаются там недолго, так что очередь движется довольно быстро, и до нас осталось всего пятьдесят человек.

Я не стала рассказывать ей о стычке, хотя неприятный осадочек жжёт изнутри.

Я уже жалею о том, что отправилась на этот кастинг.

Меня не возьмут, я уверена. Блатных хватает, куда уж нам. Так что дело обойдётся всего одним испорченным днём.

Глава 3

Когда очередь доходит до меня, я уже так устала, что практически ничего не чувствую. Никакого волнения. Только одно: отпустите меня скорее.

Меня просят представиться и рассказать о себе, осматривают со всех сторон, словно лошадь на выставке, и задают вопросы: были ли отношения, когда случился первый поцелуй (почему я должна отвечать на это?), верю ли в любовь с первого взгляда и всё в таком духе.

Выйдя из практически опустевшего помещения в пятом часу вечера, я выдыхаю с облегчением и прошу Олю больше не поднимать эту тему.

– Зато это опыт! – продолжает гнуть своё подруга.

Да уж, словно крапивой по заднице... Даже не знаю, чему он научит.

Несколько дней я продолжаю жить прежней жизнью – ходить на работу в салон красоты, записываю людей на стрижку и маникюр, вечером смотрю фильмы или читаю книгу, созваниваюсь с Олей, гуляю с сестрой. А в конце недели мне вдруг звонят. И я даже подумать не могла, что это – отголоски того самого телевизионного кастинга. Иначе бы не взяла трубку.

Оказалось, я подхожу и меня ждут на съёмку 10 июня. Мало того, что в рабочий день, так ещё и не спросили: соглас-

на ли я. Наверное, должна прыгать от счастья до потолка. Ан нет. Чувства оказались совершенно противоположными.

Сообщаю Оле, но ей, оказывается, не звонили.

– Я никуда не пойду, – заявляю решительно.

– Здрасьте! Ты прошла кастинг и хочешь сдать на полпути? Иди! Иначе будешь жалеть.

– Я буду жалеть, если пойду.

– Блин, Маш, ты прикидываешься или и правда не понимаешь своего счастья? Тебя выбрали!

Ещё минут пять мы проводим в жаркой дискуссии: Оля убеждает, я упираюсь. В конечном итоге, конечно, сдаюсь – подруга всегда покоряет вершины упорством.

Отправляясь на съёмку (или очередной кастинг? Что это будет я толком не знаю), надеюсь лишь на то, что теперь-то меня хорошенько рассмотрят и наверняка отправят домой. И хотя на этот раз Оля заставляет меня надеть платье и накрастись ярче обычного, одному её правилу я всё же не собираюсь подчиняться:

– Не забывай улыбаться!

Чему, интересно, я должна радоваться?

– Маш, ты упёрлась и принципиально видишь только плохое. Попробуй взглянуть с другой стороны: новые знакомства, таинственный мир телевидения, возможность заработать. Популярность, в конце концов.

Возможно, она и права. Но я чувствую себя некомфортно, а потому не могу расслабиться и притворяться. Так что даже

терпеливая Оля не выдерживает и упрекает:

– Ну ты актриса, в конце концов, или нет? Считай, что это твоя первая роль!

Не зря меня, видимо, зарубили на вступительных экзаменах.

Я стараюсь следовать совету подруги и ценой невероятных усилий с притворной улыбкой делаю всё, что говорят телевизионщики. А нужно было не так уж много: заполнить анкету и рассказать о себе на камеру. На следующий день (меня предупредили), корреспондент и оператор приехали ко мне домой (и не лень же было тащиться в другой город!) снимать сюжет: где и как я живу, потом – на работу. И тут до меня начало доходить, что я окончательно влипла. Последней точкой в этом стал контракт, который мне протянули.

Сначала в нём описывалась концепция телешоу и ставка – один миллион рублей. А после – огромный перечень требований и запретов:

- мобильный телефон и планшет проносить нельзя;
- с родными разговаривать можно два раза в неделю по десять минут;
- нельзя обсуждать проект (только при личной встрече);
- нельзя покидать здание без разрешения;
- недопустимы отношения с другим участником (из другой пары) или членами съёмочной группы;
- воздерживаться от нецензурной брани.

Виновных ждёт исключение из шоу. И баснословные

штрафы.

Всю неделю нас будут снимать, подготовят интересные свидания и задания. В пятницу – прямой эфир в прайм-тайм на одном из центральных телеканалов.

Старт шоу – 15 июня.

Моя рука с шариковой ручкой замирает в воздухе. Что они сделают со мной, интересно, если я откажусь сейчас это подписывать?

Но, как сказала бы Оля, это хоть какой-то шанс сделать свою жизнь интереснее. Главное, не переборщить.

А вдруг это правда большая удача?

Я делаю глубокий вдох и, не раздумывая, ставлю подпись на двух экземплярах. Через несколько дней мне нужно вернуться с вещами и поселиться в специально отведённом для нас доме на целых два месяца.

Неужели я согласилась на это?

И зачем только ввязалась в этот тихий ужас? Я же так спокойно жила.

Глава 4

Мама оказалась не в восторге от этой идеи. Но контракт уже был подписан. Зато младшая сестра Юля и подруга Оля чуть не прыгали вокруг меня от счастья, помогая собирать вещи.

– Будем смотреть тебя по телевизору! С ума сойти! Моя сестра – звезда! Если кто-нибудь из знаменитостей к вам придёт, возьми для меня автограф, – напутствует Юля, припоминая о случайной встрече на кастинге с Воробьёвым.

Я слушаю её в пол-уха. Мне страшно. Страшно не по себе. Выбираться из зоны комфорта для меня всегда жуткое мучение.

И вот, наконец, электричка в Москву. Последние объятия и поцелуи, мои попытки сдержать слёзы (не маленькая ведь уже), обещание не забывать друг друга и для меня – «быть молодцом и держать нос по ветру». А потом поезд тронулся. И я уехала. А мои все остались.

За эти два часа, что я собиралась провести с книгой, так и не получилось сосредоточиться и погрузиться в чужой придуманный мир. Кого мне поставят в пару? Как долго получится продержаться? И что от нас будет требоваться? Сказали: никакого насилия. И даже поцелуев на камеру не будут требовать: «это не театр, а реалити-шоу». Что-то вроде эксперимента. И я добровольно решила быть подопытной.

Наконец – снова Москва. Знакомый уже маршрут, на этот раз в одиночку. Меня встретили, но никого из участников я не заметила. На мой вопрос девушка-редактор отвечает, что нас специально не знакомят, потому что впервые мы увидимся и будем объединены в пары только на первом эфире завтра. В первый день на проекте.

Меня заселяют в гостиницу – скромненькую, но без клопов и грязи. А утром прямо в номер приходят стилист, парикмахер, визажист и фотограф. На десять минут заглянул оператор – снял для сюжета процесс и ушёл к другому участнику.

Я не знаю, чего ожидать. И сил бояться уже просто нет.

Но, что действительно радует, так это то, как я выгляжу после нескольких часов работы над моей внешностью. Попросив сделать фото, отправляю его Оле и Юле, пока телефоны не отобрали. Девчонки поддержали. Написали, что уже закупились чипсами и готовы засесть перед экраном – каждая в своей квартире.

А потом мне говорят брать вещи и садиться в машину. Мы едем через пол-Москвы куда-то в пригород – я плохо здесь ориентируюсь. Но, похоже, это закрытый посёлок.

Останавливаемся возле огромного дома в два этажа, похожего на виллу голливудской знаменитости.

– Это мы здесь будем жить? – округляю глаза.

– Да. Здесь же будут проходить и пятничные эфиры. К вам будут приезжать ведущие. Удобно, правда? Организаторы

специально такой дом подбирали, – с улыбкой разъясняет закреплённая за мной девушка-редактор. – Правда, пришлось переоборудовать огромную гостиную в студию, а это обошлось недёшево, но результат того стоит. Пойдём. Сейчас сама всё увидишь.

Прямо на входе меня заставляют сдать телефон, проверяют вещи в чемодане (вдруг пронесу что запрещённое?), а после моим имуществом занимается редактор, заявив, что отнесёт в комнату, в то время как меня провожают в гримёрку и оставляют ждать. Сколько тут, интересно, гримёрок? Двадцать штук? Для каждого участника?

Оказалось, не так. Просто я приехала самая первая. А гримёрок лишь две – мужская и женская. И скоро стали прибывать остальные участницы. Мы знакомимся, делимся первыми впечатлениями, рассказываем, откуда узнали о кастинге, и общаемся на разные темы, но, что особенно радует, без заочного соперничества.

Несколько девчонок держатся в сторонке, но, в целом, собравшийся за час коллектив мне по душе.

– Надеюсь, парни нормальные?

– А прикиньте, каких-нибудь неформалов сгонят? Типа «противоположности притягиваются».

– Вполне вероятно.

Тема вполне предсказуемо переметнулась к мужской половине. Однако, что нас конкретно ждёт, никто не знает.

– Когда уже пойдём, а? – хнычет одна конкурсантка, и ров-

но в этот момент дверь открывается, и нас приглашают к кулисам.

Но и там парней нет. Оказывается, они уже в зале. Нас до последнего всячески пытаются держать друг от друга подальше, чтобы потом камеры запечатлели неподдельные живые эмоции на наших лицах.

За кулисами тоже приходится потомиться. Нам дают последние указания: спину ровно, ноги вместе, всё время следить за плечами. А потом властный голос командует:

– Пошли! – и я, не помня себя от страха, делаю первый шаг в неизвестность.

Глава 5

– Вот они, прекрасные участницы этого шоу! Десять красоток, которые ещё сами не верят в то, что смогут влюбиться по-настоящему.

Мы занимаем свои места на стульях напротив парней, которые находятся по другую сторону сцены, и пара ведущих, повернувшись к камере, с улыбками на лицах открывает новое телешоу.

– Добрый вечер, дамы и господа! Мы приветствуем вас на уникальном шоу «Лаборатория чувств».

Взрыв аплодисментов в зале, и я обращаю внимание на приглашённую публику. Всего пять небольших рядов друг за другом. Около пятидесяти человек, в основном девушки, но есть и юноши – наши ровесники.

– Невыдуманные чувства, искренние эмоции – всё это про наше шоу. Говорят, если люди будут слишком тесно общаться долгое время, они либо полюбят друг друга, либо возненавидят. Нашим участникам придётся проверить это на себе, ведь они будут проводить вместе двадцать четыре часа в сутки на протяжении двух месяцев! Отныне и еженедельно каждую пятницу мы будем показывать вам всё, что творится здесь, в рамках проекта «Лаборатория чувств». Вы также сможете наблюдать за героями ежедневно на нашем сайте. Тридцать камер будут следить за каждым их шагом, чтобы

не пропустить момент зарождения чувств. И об этом вы сможете узнать первыми!

Право голоса перехватывает соведущая:

– Но постепенно участники будут покидать шоу. Каждую неделю пара, набравшая наименьшее число зрительских голосов, вынуждена будет завершить участие в нашем эксперименте. Поэтому не жалейте своей любви и голосуйте! Сделать это очень легко – с помощью SMS или на нашем сайте.

– Это будет настоящий сериал в режиме реального времени. Мы не знаем, как будут развиваться события – никакого сценария здесь нет, и вместо актеров – обычные люди. Да и сами участники, пожалуй, пока не подозревают, что именно их ждёт. Вчера вечером они были незнакомцами, а завтра, возможно, станут влюблёнными.

– А вести это шоу будем мы: Ольга Верникова...

– И Кирилл Матвеев. Мы-ы-ы начина-а-аем!

– И да, мы пока не пара, – не преминула заметить ведущая.

– Но, кто знает, может быть, к концу проекта и мы ею станем. А пока давайте познакомимся ближе с теми, кто будет участвовать в этом эксперименте.

– Вот они – молодые, полные сил и энергии. Совсем скоро их судьбу решит кнопка, и пока никто не знает, какими будут пары. Но давайте скорее узнаем их поближе!

Ведущая, эффектно поставив ноги, так что даже в коротком платье у неё получается сидеть целомудренно, оказыва-

ется рядом с одним из участников и протягивает ему микрофон.

– Привет!

– Привет, – немного смущаясь, произносит он.

Остальные сидят в тени, и луч прожектора хорошо освещает лишь этого парня. Интересно, нас тоже не видно?

Я пользуюсь возможностью и хорошенько рассматриваю первого участника. Возможно, именно с ним мне придётся «играть в любовь». В то, что можно на самом деле влюбиться в таких условиях я совершенно не верю.

Парень в очках, светленький, скромный. В коричнево-жёлтой рубашке с короткими рукавами и в чёрных брюках.

– Как тебя зовут?

– Пётр.

– Давай для начала посмотрим твою анкету и сюжет, который мы о тебе сняли.

Все взгляды перемещаются на большой экран на стене.

Что я вынесла для себя из трёхминутного ролика? Что парень неплохой, но скорее годится в друзья, чем в мужа. Если бы я выбирала, отказалась бы от него и посмотрела бы, кто там следующий.

Больше всего меня порадовал пункт в его анкете: «Знаю наизусть „Евгения Онегина“. Могу процитировать с любой строчки».

Его, конечно, проверили. Когда с экрана была зачитана

эта строка, ведущий тут как тут возник с томиком пушкинской поэмы и, открыв на первой попавшейся странице, зачитал две строки. И парень продолжил! Мгновенно, с лёту.

Его проверили ещё два раза. Кто-то из девчонок даже выкрикнул строчку из письма Татьяны под общий смех, но Пётр не смутился и стал читать дальше, выразительно и с интонацией. Даёт же Бог людям память!

– Ну что ж, давай узнаем, что приготовила для тебя наша кнопка. Выходи и нажимай, – сжав за него кулаки, подбадривает ведущая.

Только тут я заметила высокую – примерно до области талии – подставку и кнопку зелёного цвета на ней.

Пётр мешкает перед ней лишь на миг. А затем резко нажимает и тут же переводит взгляд на экран.

Пару секунд зрителей потопили в ожидании, а затем все увидели портретное фото девушки. Не моё. Фух!

В этот момент я снова смогла дышать.

Девушку приглашают на сцену. Она обычная – не слишком броская, с русыми волосами чуть ниже плеч.

Девчонки не интересуют меня так сильно, как парни.

Вместе со зрителями мы смотрим её анкету, ведущий задаёт пару дежурных вопросов, а затем пару усаживают вместе в специальную зону справа от экрана.

К счастью, такта не задавать вопрос о том, довольны ли они выбором кнопки, у ведущих хватает.

Ольга подходит к следующему участнику. Как только его

освещает луч прожектора, я сосредотачиваю на нем своё внимание и снова разочаровываюсь. Неформал какой-то, с выкрашенными в красный цвет волосами в центре головы, уложенными в ирокез, с тремя серёжками в одном ухе и таким огромным количеством татуировок, что они практически полностью погребли под собой его тело.

Я была так ошеломлена его внешним видом, что даже не расслышала имя и сфокусировала внимание на событиях лишь тогда, когда неформал двинулся к кнопке. Вот уж где действительно пришлось запаниковать.

Только не я!!!

Парень нажимает без раздумий, решительно и с размаху. На экране высвечивается фото.

Чужое.

Я выдыхаю.

Девушку зовут Лида, и она оказывается полной противоположностью своего «партнёра». Пары точно кнопка соединяет?

Ведущая тем временем подходит к третьему парню – представителю Грузии. Ну... не то чтобы я националист, просто мама точно Гурама в семью не примет. Поэтому повторю-ка я своё знаменитое: «Только не я!!!» – раз уж оно приносит мне такую удачу.

Слушайте, а нормальные парни в моём вкусе здесь есть?

«Энрике Иглесиас сейчас в Майами, к тому же женат и имеет детей», – напомнила бы мне Оля.

Гурам оказывается на редкость приятным в общении парнем, легко и с улыбкой отвечает на вопросы, шутит и рассказывает о себе.

— Но давай лучше посмотрим, ведь мы были у тебя в гостях в Грузии! — заявляет ведущая, приподнимаясь.

Пока мы смотрим короткий ролик о жизни участника, сам он уже перемещается к кнопке и по команде ведущих нажимает.

И снова мимо. В смысле, не я.

Девушка Ксюша. Красивая. Блондинка с длинными волосами и строгими, классическими чертами лица. Они не очень гармонично смотрятся вместе, но в то же время довольно эффектно — контрастно.

Нет, пусть не врут мне тут про отсутствие сценария. Почему бы тогда нам не воспользоваться классическим и проверенным годами способом и определить пары по бумажкам из шляпы? Безо всякого там подвоха.

Меж тем нам показывают видео и анкету Ксении, и настало время четвёртой пары.

Парень на пару секунд замуривается от яркого света, а потом улыбается и переводит взгляд на Ольгу, которая под села к нему с микрофоном.

А вот это уже интереснее...

В сером свитере, тёмных брюках — как будто и не на шоу сидит, а где-нибудь в компании друзей. И вместе с тем даже этот неброский вид не портит его яркой внешности.

Пожалуй, в этот раз я не буду молить: «Только не я!!!»

Тёмные волосы, лёгкая небритость на щеках и подбородке, яркие глаза, добрая улыбка. Интересно, а он что здесь забыл? Женским вниманием вряд ли обделён. Неужели корыстные интересы? Надо будет разведать. А пока я знаю одно – зовут его Даня.

Мы смотрим его видео, оказалось, что он оператор (хм, тем лучше – мы, творческие люди, должны хорошо понимать друг друга), ведущие проходятся по его анкете. А потом он нажимает кнопку, и я замираю.

Думаю, все оставшиеся незанятыми на стульчиках девушки замерли тоже.

Но достался он, увы, не мне!

Повезло Крис – и мне она не понравилась. Не потому, что сорвала куш. Просто по её слишком ровным плечам и походке, коротко стриженным волосам, ровному тону и совершенно спокойному поведению (как будто это уже трёхсотый её эфир), можно определить в ней весьма уверенную (или самоуверенную) даму, которая знает (и даже завышает) себе цену.

Не понравилась, в общем.

И настроение как-то сразу испортилось.

А между тем нам представили участника номер пять.

– Меня зовут Лёва, мне 24 года, и я пришёл сюда, чтобы жениться на самой лучшей девушке в мире!

– Вот как? – смеётся ведущая.

А я недовольно поджимаю губы. Как много показушности!

«Только не я, пожалуйста!»

И снова моя мольба оказалась услышана.

А кандидатов остаётся всё меньше, и я всё больше понимаю, что рассчитывать особенно не на что.

Кандидата номер шесть зовут Егор, и он оказался довольно яркой и незаурядной личностью, но тоже показался мне слишком самоуверенным и, честно сказать, не слишком понравился.

Первой его фразой на вопрос ведущей: «Что ты можешь сказать о себе?» было:

– Я миллионер.

Это самое главное в нём как в человеке?

– Ты думаешь, это поможет тебе найти любовь?

– Я в этом уверен. А ещё знаю, что у моей девушки будет всё самое лучшее. Всё, что она захочет.

На меня эти слова возымели обратный эффект – я уже точно поняла, что это «не моё», и лучше б уж Гурам мне достался или ботаник. Но назад отмотать невозможно.

Однако кнопка и в этот раз выбрала не меня.

В партнерши миллионеру досталась девушка по имени Эля, которая так часто и невпопад хохотала, что я не совсем поняла – это у неё нервное или врождённое?

Следующая пара не особенно меня впечатляет – я всё ещё думаю о предыдущей. Зовут их Марк и Диана, но я не осо-

бенно запоминаю их биографии.

Остались три парня. Если предыдущие семь (ладно, шесть, Данечка всё-таки был ничего) мне не угодили, то на что я вообще рассчитываю?

– Меня зовут Максим, мне 28 лет. Я работаю в полиции.

– Давай посмотрим сюжет о тебе, – предлагает ведущая.

А я в это время краем глаза посматриваю на героя, предчувствуя, что мне достанется именно он. Может быть, потому, что шанс один из трёх – достаточно высокая вероятность быть «избранной».

Парень чуть полноват, в костюме, с покрасневшим то ли от жары, то ли от волнения лицом, хотя кажется вполне добродушным. Он чем-то напоминает кота, которому для счастья нужны были лишь хороший ужин, немного тепла и заботы. Но как-то совсем не так я представляла себе «высокие чувства».

Максим подходит к зелёной кнопке и с явно читающимся на лице волнением нажимает. Я зажмуриваюсь, а когда открываю глаза, вижу чужую фотографию. Снова мимо?

Смотрю на ещё одну, сидящую через несколько стульев от меня, девушку, и понимаю, что моё нетерпение совершенно ровное и умеренное по сравнению с её нервозностью. Она прямо места себе не находит. Или тоже уже поняла, во что вляпалась? Что нормальных парней тут нет...

А чего я, собственно, ожидала? Голливудских красавчиков? В таких кто угодно влюбится с первого взгляда. А экс-

перимент состоит как раз в том, что нас попытаются заставить привязаться к обычным. Ну, кто знает, может, у них и впрямь богатый внутренний мир.

«У того неформала с красным ирокезом – особенно», – услужливо поддакивает внутренний голос.

Яркий свет вспыхивает над следующим участником, и я перевожу туда взгляд.

Мне словно дали под дых – дыхание сбивается, и я на пару секунд замираю с открытым ртом.

Не может быть...

Вот сейчас троекратное: «Только не я!!!»

Ну пожалуйста... Пусть там будет последним кто угодно, только не этот...

– Привет! Представься нам, пожалуйста, – подсаживается к нему ведущая.

«Так, закрой рот, тебя же камеры снимают. Соберись. Есть ещё одна участница. Шансы – пятьдесят на пятьдесят».

– Меня зовут Антон, мне 23 года.

– Давай посмотрим, что ты написал в своей анкете. «Моё главное достижение: при росте 189 сантиметров выгляжу на 190». Хм.

В зале раздаются смешки.

Вот это мышление у человека! Глубокое!

– Я бы сказала, что твоё главное достоинство – это чувство юмора, – не поскупилась на комплимент Ольга.

Я недовольно поджимаю губы.

Даже если меня не выберут в пару с ним, нам всё равно придётся жить вместе какое-то время и поневоле общаться. Интересно, он меня помнит?

– Не любит идиотов, – продолжает зачитывать с экрана ведущая. – Хобби: спать по 15 часов. Серьёзно?

– Мне удалось проделать такое только однажды. Мечтаю повторить.

– Скажи, а чего ты ждёшь от этого шоу?

Он задумывается лишь на мгновение, склоняя голову набок. А потом отвечает с игривой улыбкой:

– Посмотрим, что из этого выйдет.

– Посмотрим, что подготовила для тебя наша кнопка. Пойдём! Решающий момент.

А вот сейчас – самое время: «Только не я!!!»

Сжимаю кулаки, невольно вновь закусываю губу. Ну пожалуйста...

– Мария Платонова! – и я прямо чувствую, как приросла к стулу, а все камеры в зале направлены на меня.

Слов нет, одни буквы. И складываются они в такие сочетания, что в приличном обществе и не скажешь.

Я поднимаюсь, одёргиваю платье и нерешительно двигаюсь в центр студии.

Так что вы говорите? Кнопка всё решает? Что-то я сомневаюсь. В таком случае это самая бездушная кнопка в мире!

Блин. Блин! Ну почему из десяти претендентов мне до-

стался ИМЕННО ОН?! Уйти уже поздно?

И сразу же вспомнились строчки контракта о штрафах. Мне никогда не расплатиться.

– Мария, поздравляем! Вы хорошо смотрите вместе! Становитесь вот здесь, рядом.

Мне и стоять с ним противно, не то что играть в любовь или – бр-р-р – целоваться.

– Я бы уже влюбилась в такого красавчика, – кокетливым смехом заливается ведущая, и в этот момент вся моя симпатия к ней испаряется.

Она серьёзно?

Я мельком смотрю на Антона, пока зрителям зачитывают мои вполне примитивные ответы из анкеты и показывают видеоролик о моей жизни. Парень выглядит абсолютно спокойным. Может, и правда забыл про нашу встречу на кастинге?

Ничего, я напомню.

Последнюю пару объявляют без кнопки – чего уж там, и так всё понятно. Я даже имена их не запомнила, в таком трансе была. И всё думаю: что теперь делать?

А ведущие уже закрывают первый прямой эфир (наконец-то!):

– Двадцать человек, десять пар. У каждого свой жизненный опыт, характер, мечты и цели. Они не знакомы друг с другом. Единственное, что их объединяет – желание любить и быть любимыми.

В это время камеры транслируют наши лица крупным планом, подъезжая так близко, что становится не по себе.

– Сможет ли хоть одна из пар почувствовать симпатию друг к другу и пройти основные этапы развития отношений? Узнаем в ближайшее время. А пока я, Кирилл Матвеев...

– И я, Ольга Верникова...

– Желаем вам хорошего вечера, а нашим участникам – долгожданной любви! Кто знает, быть может, прямо сейчас перед нами стоят будущие семейные пары...

– До встречи!

– Пока!

– Снято.

Ведущие сразу же расслабляются, улыбки сползают с их лиц, остаётся усталость. Они машут публике рукой, прощаются с участниками и удаляются за кулисы, а к нам спешат прикреплённые за каждым редакторы и провожают в комнаты – для девочек и мальчиков, так что пообщаться у нас, к счастью, времени не остаётся.

Телефоны у нас уже отобрали, пообещав предоставлять время на звонки близким пару раз в неделю, как оговорено в контракте.

Мда-а... А нас точно не в добровольную тюрьму загнали? Лучше бы смыслом шоу сделали не «влюбиться», а «вот видишь, люди и правда могут жить без телефона и Интернета» – сейчас ведь это почти нереально. Почти также нереально, как найти стопроцентную вторую половинку.

Они что, правда верят, что среди двадцати человек может быть такая пара? И прямо заранее определили, кто именно? Бред! И я не собираюсь притворяться, что Антон мне хоть чуточку нравится.

В конце концов, в моём контракте такого пункта нет. А потому пусть не думает, что я буду улыбаться ему и строить глазки. И даже если нас выгонят первыми – что ж, именно этого я и постараюсь добиться. Потому что «играть в любовь» с *этим* – выше моих сил и корыстных интересов.

Глава 6

Камеры повсюду.

Едва я оказываюсь в женской половине, которая включает в себя несколько душевых, спален и большую гримёрку, первым делом обвожу взглядом пространство, в котором придётся какое-то время пробыть. В одной только спальне с четырьмя кроватями шесть видеофиксирующих устройств! Поэтому переодеваюсь я в ванной. Даже если камеры есть и там, они хотя бы замаскированы.

Некоторые девчонки за это время успевают сходить на разведку и, когда я возвращаюсь в комнату, вовсю делятся эмоциями:

– Там такой милый маленький дворик!

– А кухня какая огромная! Мы будем с ребятами есть.

– А кто вам больше понравился, девчонки? Только честно.

Вы довольны своими «половинками»?

Я в разговоре не участвую. Сажусь на своей кровати, разбираю вещи и слушаю.

– А тебя как зовут? – поворачивается ко мне одна из них. – Меня Таня.

– Маша.

Две другие девушки тоже представляются: Лера и Лида.

Я мысленно повторяю про себя их имена, опасаясь забыть или перепутать.

– У тебя симпатичный жених.

Не могу сдержаться и фыркаю в ответ. Кажется, это получается слишком громко и не очень вежливо. Я не хотела.

– А у меня весь в татуировках. И с красными волосами. Я никогда не влюблюсь в такого, поэтому наша пара просто обречена на вылет, – печально вздыхает Лида.

– Да перестань, – пытается приободрить её Таня, обнимая одной рукой. – Зато он яркий и будет привлекать к себе внимание. Зрители сразу запомнят вас.

– А вы верите вообще, что можно вот так, за два месяца влюбиться? – интересуется Лера.

– Можно и с одного взгляда, – уверенно заявляет Таня. – Но со мной пока не случилось. Даже если нет – уверена, это будет интересно. И по телеку нас покажут.

– Слушайте, что-то есть хочется, – неожиданно выдаёт Лида и тянется к своей сумке. – Я так понимаю, кормить нас сегодня не будут. У меня есть печенья и свежие огурцы. Будете?

Я отрицательно мотаю головой, а девчонки соглашаются.

– Извините, я пойду воздухом подышу, – приподнимаюсь я, прихватывая с собой и книжку. – Где тут двор?

Девушки рассеянно смотрят на меня, словно не ожидали такой реакции, а потом одна из них – Таня – кивает головой направо, и я отправляюсь в указанном направлении.

Найти дворик оказалось довольно легко. Как только выходишь из женской половины, сразу же натыкаешься на него.

Мне хочется лишь, чтобы там никого не было. Но, судя по радостным крикам, которые в эту секунду доносятся до меня из мужской части, парни всюду празднуют начало проекта и уже наверняка подружились.

Наверное, заводить друзей – это особый навык, и я им не обладаю.

Кто-то легко, без проблем и сомнений, сходится с новыми людьми и сразу же становится «своим в доску». Я не такая. И сейчас ушла вовсе не из-за надменности или нежелания общаться, а потому, что отчетливо понимаю: ещё чуть-чуть – и разрыдаюсь. Душевное одиночество так сильно навалилось на меня в этот миг...

Я – человек, закрытый для других, но довольно доверчивый с близкими. А потому привыкла каждым более-менее важным событием в своей жизни делиться с подругой, сестрой или мамой. А тут оказалась лишена даже элементарной возможности услышать их голоса и ощутить эту невидимую поддержку.

Во дворе – крохотном, не больше десяти метров, с высоким забором и решётчатой крышей, местами увитой зеленью – никого. Я сажусь в одно из кресел-мешков, и слёзы вырываются наружу. Я плачу беззвучно, отчаянно, постоянно оглядываясь на стеклянную дверь, чтобы успеть стереть «следы преступления» прежде, чем кто-либо войдёт.

Потом опомнилась и огляделась. Камеры! Я и забыла про них. И здесь они есть. Три «чёрных глаза», которые направ-

лены в разные стороны. И один – прямо на меня.

Ну и ладно.

А если вставят в эфир? И мама увидит.

И все остальные увидят. И *этот*. Так что смысл мне здесь скрываться?

А может, и не вставят. Что им, показывать больше нечего?

Когда я возвращаюсь – примерно через час – успокоившись и всё же осилив пару книжных страниц – девчонки уже спят. По крайней мере, свет выключен, и никто не поднимает головы, когда я возвращаюсь.

Я быстренько переодеваюсь в мягкую пижаму, которая напоминает о доме, и забираюсь под одеяло.

Уснуть, на удивление, удаётся довольно быстро. Но сны мне снятся тревожные.

С утра девчонки собираются и что-то обсуждают, не особенно обращая на меня внимание. Лишь вежливо желают доброго утра и тут же теряют всяческий интерес. Видимо, вчера я всё-таки что-то упустила. Нельзя отрываться от коллектива.

За завтраком сажусь рядом с Таней. Заметив пустующее место рядом, интересуюсь:

– Не занято?

Нужно же как-то налаживать связь.

– Конечно, садись, – вполне дружелюбно отвечает она, поднимая на меня улыбчивый взгляд. И у меня словно ка-

мень с души упал.

Как-то так получилось, что парни уселись по одну сторону, а девушки – по другую. К счастью, Антон сидит совершенно в противоположной от меня стороне, поэтому мы лишь пару раз пересекаемся ничего не значащими взглядами. И я до сих пор не могу понять, помнит ли он меня. И помнит ли, что мы пара. Вроде как.

Таня оказалась очень общительной. Даже с набитым ртом она ухитряется рассказывать о своих впечатлениях и задавать попутно вопросы. И в очередной раз я, конечно, услышала:

– Тебе повезло. Красавчик достался.

Ага, красавчик. С ужасным характером и зашкаливающей самооценкой.

Сговорились они тут все, что ли?

Неожиданно всеобщее внимание привлекает новая фигура, возникшая в столовой: ведущий Кирилл Матвеев.

– Доброе утро, дорогие участники!

Так, ясно, работаем на камеру.

Спина непроизвольно выпрямилась, и есть как-то сразу расхотелось. Это точно не вырежут.

– Как вам спалось?

Недружный хор голосов отвечает «нормально» и «хорошо».

– Сегодня вечером вас ждёт первое совместное занятие. Что это будет, скажу чуть позже. Конечно, дальше у вас то-

же будут совместные занятия, так что скучать не придётся. А пока знакомьтесь и общайтесь.

И, пожелав приятного аппетита, он просто уходит. Так же внезапно, как появился.

Плечи опять опускаются. Только аппетит не вернулся.

– И что это значит? Какие ещё занятия? – мрачно интересуется Таня.

Только ответа нет.

Это заявление вызвало любопытство не только у моей соседки, так что первую тему для обсуждения нам подкинули – все присутствующие сразу загалдели и стали обмениваться мнениями.

А потом мы плавно перемещаемся в гостиную, и те, кто успел прийти первыми, заняли лучшие места на двух диванах, расположенных друг напротив друга.

Когда я вхожу, мест вокруг уже не осталось. Отлично.

Ну и ладно, сяду одна на стул у окна. Зато мне отсюда сразу всех видно.

Мой фокус зрения тут же сместился к наиболее интересной персоне. Антону? Да нет. К Дане. Сегодня он был в чёрном пуловере с подтянутыми до локтя рукавами и джинсах, с прежней небрежной щетиной на щеках, которая придавала ему особый шарм. Он был темноволосым, довольно высоким, но при этом крепким, с выступающими венами на руках. Наверняка занимается спортом.

«Такие нравятся девушкам», – отметила про себя.

И он знает себе цену. Перехватив мой взгляд, по-доброму хмыкает и кивает головой, вроде как приветствуя. Но тут же отворачиваюсь к окну и придаю лицу самое непринуждённое выражение. Однако избежать желания вновь посмотреть на него не могу.

Он не «звездит», но по глазам и манере поведения видно, что знает о своей неотразимости.

На меня Даня больше не обращает внимания, и я не знаю, радоваться ли этому. С одной стороны, по контракту отношения с другими участниками запрещены. Но с другой... Какие у нас могут быть взаимоотношения с Антоном? Да он меня раздражает! И даже не потрудился позаботиться и занять мне место, как сделали некоторые другие парни для своих девушек. Вот любитель поэзии Петя уже вовсю общается с Таней – о чем, не знаю, но явно уже зарабатывают зрительские голоса.

«А тебе они не нужны. Ты же вылететь собиралась», – услужливо подсказывает внутренний голос.

Моё внимание привлекает общий смех. И здесь я оказалась «вне компании». Ну что поделать?

– Как-как? Правда Дылдина? Это твоя настоящая фамилия?

– Да. Но я бы предпочла, чтобы ты называл меня по имени – Крис, – с улыбкой хмыкает коротко стриженная девушка довольно самоуверенного вида, с грубоватым голосом.

Да у нас тут, как посмотришь, одни неординарные лично-

сти собрались. Как я-то в эту компанию, спрашивается, затесалась?

– А в школе тебя не дразнили? – продолжает допытываться парень. Не её. Я помню, она в паре с Даней.

Ну почему не я, а?

– Меня для этого родители в спорт отдали. Чтоб могла за себя постоять.

– И приходилось?

– Ты хочешь отведать московского кулачка?

Посмеявшись, перешли на тему прописки – кто откуда «понаехал» и как узнали про кастинг. Потом кто-то опомнился:

– А Вазген где?

– Кто?

– Ну, этот парень нерусский. Он какой вообще нации?

Оказалось, интересовалась Диана – та самая напыщенная дама, что сразу мне не понравилась. Было в ней что-то стервозное.

– Эта нация называется «хороший человек», – совершенно серьёзно отвечает Антон. – Для тебя он, может, и Вазген, но вообще он Гурам, и, насколько я знаю, сейчас занимается спортом в зале.

– Ой, простите-простите, – Диана театрально приподнимает вверх руки и хмыкает. А у меня появилась возможность получше разглядеть её. С довольно длинными тёмными волосами, в клетчатой рубашке, заправленной в брюки длиной

три четверти – она стильная. И слишком дерзкая. Ну не нравятся мне такие!

– А ты чей? – спрашивает она тем временем.

Антон кивает в мою сторону.

Диана медленно поворачивается и, не стесняясь, смеряет меня таким циничным, презрительным взглядом, что становится не по себе. А потом ещё и протягивает:

– М-да...

– И мне приятно познакомиться, – совершенно не соответствующей произносимому тексту интонацией выдаю я.

Внимание публики тут же переключается ко мне – тихой и незаметной девочке, сидящей на стуле у окна.

И Данин взгляд тоже... Ой, здарсьте!

– А я сказала, что мне приятно? – её выражение становится ещё жестче и надменнее, как будто ей тут с книжной пылью приходится разговаривать.

– По лицу так, конечно, не скажешь. Я просто из вежливости сказала.

Не то чтобы пошла на попятную, просто не хочу представлять себя всем в таком виде. Ведь я вовсе не скандалистка. Потом ни один режиссёр меня не возьмёт. И прощай, актёрская карьера. И Даня. Вот говорила ж я Оле, что это плохая идея!

– Ну молодец, – произносит Диана с неприкрытым отвращением и отворачивается.

Нет, ну она совсем обнаглела?

– А ты случайно в пиццерии на Лермонтова не работаешь? Там девчонка есть, очень на тебя похожа.

Вру, конечно. Не знаю, кто меня за язык дернул. Дураку понятно, что ни в какой пиццерии эта девушка не работает – это ниже её достоинства. Готова поспорить, она бы даже туда не зашла – не её уровня заведение. А уж дурная слава, которую носит это местечко, которое со сменой хозяина превратилось в собрание для местных алкашей, и вовсе не вписывалась в рамки приличия. Мало кто, конечно, мог знать об этом, потому что из нашего города недалеко от столицы здесь оказались только я, Диана и Лёва, с которыми я прежде не пересекалась, – но явный удар по принцессиному самолюбию был нанесён. И какой!

Она снова поворачивается – на этот раз гораздо быстрее, – и с её прекрасных губ срывается не совсем приличное слово. А затем какая-то ерунда:

– Да ты знаешь, кто я?

– М-м-м... Но рок-звезду не похожа.

Да что происходит? Все вокруг смотрят на нас, открыв рты. А я... Я ругаюсь с незнакомой девчонкой в первый же день проекта! На ровном месте!

Блеск в её глазах становится ещё яростнее, и она с достоинством выдаёт:

– Диана Ясинецкая.

Видимо, это должно было что-то прояснить. Но нет.

– И? – приподнимаю бровь.

– Издеваешься? – едва не визжит она.

Ой-ой-ой, с самообладанием у принцессы явные проблемы.

– Нет. Просто в первый раз слышу.

– Еще скажи, что в мегакомплексе «Ундина» ни разу не была.

– Была.

К чему это?

«Ундину» я знаю – огромный торгово-развлекательный центр в нашем городе.

– Это наш семейный бизнес, – милостиво разъясняет она и отворачивается, как будто больше говорить со мной не о чем.

Так вот оно что. Вот откуда этот гонор с норковых пелёнок.

– А сама ты чего добилась?

Ну, это явный перебор.

Нужно было заткнуться.

В кои-то веки мой внутренний голос совпал с моими мыслями, но было поздно.

– Слушай, ты достала меня, – опять поворачивается Яси-нецкая. – Закрой рот, раз не можешь сказать ничего умного.

И прежде, чем у меня созрела новая мысль, вмешивается Антон.

– Так, всё, девчонки, брейк. Давайте лучше поговорим о возвышенном.

– Например? – поддерживает Татьяна.

– Кто-нибудь знает стихи?

Все смеются. А Петя совершенно серьёзно поднимает руку.

– Кроме «Евгения Онегина», – предупреждает Антон.

– Я знаю многих авторов.

– Ты не на филфаке ли учишься?

– Нет, на историческом.

– И как в тебе всё уместается?

До стихов дело так и не дошло – стали обсуждать образование. А я, вновь превратившись в отшельника, ещё пару минут разглядываю Ясинецкую, чувствуя, что в этой битве я проиграла. И что «сладкую жизнь» на проекте себе обеспечила.

Интересно, если бы я ходила в дизайнерских шмотках и туфлях в три зарплаты, я бы заслужила более галантного обращения? Что это? Болезнь современного общества – оценивать человека по внешнему виду?

Не особенно беспокоясь о том, кто что подумает (раз уж всё и так началось как попало), я встаю и отправляюсь в спальню. Что толку тратить время на глупые сплетни? Не могу слышать этот высокий, раздражающий смех принцессы, «любоваться» на профиль Антона и чувствовать себя жалкой отшельницей.

Однако долго побыть в уединении не удаётся.

Дверь чуть слышно приоткрывается, и я отрываю взгляд

от окна, переводя его на девушку с тёмным каре и в очках в стильной оправе. Выглядит она очень скромно и даже смущённо. Такую, кажется, любой может обидеть. А надо любить.

И что её привело сюда?

– Не помешаю? – спрашивает она, как будто не делит со мной эту комнату, а вторгается в личное пространство.

Я лишь пожимаю плечами.

– Я сейчас скажу жуткую банальность, но не обращай на неё внимания. Таким только дай повод за чей-нибудь счёт самоутвердиться.

– Я должна быть рада, что смогла быть ей полезной?

Не знаю, откуда во мне эта желчь. Лера уж точно не виновата в моём испорченном настроении.

Девушка помолчала немного, а потом сообщает:

– Нас сегодня вечером ждёт общение парами.

– Что?

Как это я ухитрилась за десять минут пропустить так много?

– Нас будут вызывать в специальную комнату для знакомства тет-а-тет. И снимать, конечно. Говорят, каждую неделю такое будет. Чтоб мы привыкали.

– Класс, – без всякого энтузиазма выдыхаю я.

– Как думаешь, ты сможешь влюбиться в Антона?

Она даже помнит, как зовут моего «напарника»? Я, например, её не припомню. Пётр? Вадим? Слишком много

имён и лиц.

– Сомневаюсь, – фыркаю в ответ и отрицательно машу головой.

Блин, тут же камеры. Хотя с чего это я должна врать? Нам же сказали: не притворяться, быть предельно честными. Всё равно они вырежут для эфира лишь то, что выгодно и может быть интересно зрителю.

– Я тоже в это не очень верю. Да и актриса из меня не очень хорошая, так что, скорее всего, быстро вылечу из проекта.

– А здесь как оказалась? – интересуюсь я.

– Моей семье нужны деньги. Вдруг выиграю миллион? – она натянуто смеётся, будто сама в это не верит. Потом поясняет: – Моя сестра тяжело болеет. Она инвалид с детства и ей постоянно нужны курсы реабилитации. А ещё у меня есть парень.

О-о-о, я думала, что хуже, чем у меня сейчас, быть не может.

Я делаю знак в сторону одной из камер, мол, нас же снимают, забыла?

Лера только отмахивается, выражая полное безразличие к «чёрным зрачкам».

– Получается, нас всех привела сюда жажда наживы, – хмыкаю, стараясь не раскиснуть и подбодрить девушку.

Хотя, разве могу я так сказать о Лере? Для неё это, возможно, единственный шанс спасти сестру. Таких денег за два

месяца она бы не заработала.

– И как он тебя отпустил на это? – добавляю спустя пару мгновений.

Лера пожимает плечами и улыбается.

– Мы доверяем друг другу.

– Наверняка они ждут поцелуев, – я киваю на камеру под потолком. – Не сейчас, конечно, но в скором будущем.

– Они ведь хотят, чтобы всё было честно. Я не скрывала своих отношений, просто меня не спрашивали.

Отреагировать я никак не успеваю. Даже не успеваю определить для себя, хорошо ли это – быть слишком честным. В комнату входит ещё одна наша соседка – Татьяна.

– Девчонки, чего это вы слиняли? Секретничаете?

– Садись, – хлопает рукой по кровати Лера. – Делимся первыми впечатлениями и кого что сюда привело. Что вы можете сказать по этому поводу? – она сжимает руку в кулак и подносит свой импровизированный микрофон к лицу Тани.

Та тут же принимает важную позу, закидывает ногу на ногу и с преувеличенно строгим видом начинает рассуждать:

– Ой, я даже не знаю, что вам сказать. Никакой вспышки я не почувствовала, хотя такие мямли... ой, то есть, я хотела сказать, романтические парни как мой Пётр наверняка нравятся девушкам. Хотя я, знаете ли, предпочитаю brutальных мужчин, чтоб, как говорится, и по столу мог стукнуть...

– И по лицу, – вставляет Лера со смехом.

– Ну, если не меня, а за меня – то да, конечно, – не растерялась Татьяна. – И вообще, чтоб умел принимать решения. Я женщина практичная, а стихами можно лишь мозги пудрить. Прошу прощения, если кого-то обидела, – обратила она красноречивый взгляд в одну из камер.

– А зачем же пришла, раз не веришь, что можно влюбиться на шоу?

– А потому, что недавно рассталась с парнем. Ну, как рассталась... он меня бросил. Самым банальным образом. Но, знаете, я не верю, что, заперев людей отдельно от цивилизации и без средств связи, можно заставить их влюбиться друг в друга лишь потому, что они будут много общаться. Мы не островитяне, потерявшие последнюю надежду. И каждый знает, что через два месяца это закончится, и мы снова вернёмся в большой мир людей и продолжим поиски смыслов и целей. Здесь наша цель куда более меркантильная – деньги. А они, наоборот, разобщают.

С этой версией сложно не согласиться. И я бы даже добавила что-нибудь от себя, но тут ворвалась (по-другому не скажешь) четвёртая наша соседка – Лида:

– Девчонки, там уже вторая пара пошла на индивидуальное общение.

– Что?

– Список вывесили. Следующая ты, Маш.

И тут у меня буквально упала челюсть.

Глава 7

Это было первое общение пар тет-а-тет. И я представить себе не могу, что сказать и как вести себя с парнем, которого:
а) совершенно не знаю; б) сильно недолюбливаю.

Когда я захожу, Антон уже там – в небольшой комнатке, похожей на студию для фотосессий, в стиле лофт, с выкрашенными в белый цвет кирпичными стенами, большими зеркалами с обеих сторон – так что даже если отведёшь глаза, всё равно будешь видеть своего собеседника. Совершенно без окон, зато с целой установкой из камер, стоящих таким образом, чтобы снять всё, включая малейшую мимику участников шоу, но при этом без посторонних людей – для чистоты эксперимента, так сказать.

Я сразу же сталкиваюсь с изучающе-равнодушным взглядом Антона и сажусь на стул напротив. Довольно жёсткий и неудобный.

Так, и что дальше?

Тут, прямо как в фильме, откуда-то из-под потолка раздаётся голос ведущего:

– Приветствую вас, дорогие участники! Сегодня ваше первое задание – познакомиться ближе. Вы вольны задавать друг другу любые вопросы, отвечать на них либо нет – решайте по собственному усмотрению. На это вам даётся десять минут.

«Постарайтесь не убить друг друга», – мысленно добавляю за него я.

Антон расслабленно откидывается на спинку стула, вытягивает ноги и скрещивает руки, что сразу же мне не понравилось.

– Ну и что ты хочешь обо мне узнать?

Да он действительно отвратительный тип. К сожалению, мне не показалось. Думает действовать по принципу: «Доминируй, властвуй, унижай»? И всё это под прицелом видеокамер. Может, слиться, пока не поздно? Эх, а я уже распланировала, куда потрачу свой миллион.

– Эм... Какая тебе нравится музыка? – спрашиваю первое, что пришло в голову.

И я уверена, будь на его месте любой другой парень (ну, кроме, может быть, того парня в татуировках и с волосами странного цвета), он бы нормально отреагировал. Но это же Антон! Ему бы с Ясинецкой в пару – король и королева, вдвоём бы изрыгали свое «остроумие».

– У тебя совершенно нет фантазии, – холодно отчеканивает он.

– Да ладно? – тут же завожусь я. – Тогда спрашивай ты.

– Правила хорошего тона обязывают меня ответить на твой вопрос, поэтому я скажу, что мне нравятся джаз, лаунж и драм-н-бэйс. Если тебе это говорит о чём-то, конечно.

«О твоей неограниченной самоуверенности», – мелькает мысль.

– А тебе? – словно делая одолжение, бросает он.

Я заранее знаю его реакцию. И, не стесняясь, выдаю правду:

– Поп. Но со смыслом.

«Ну у тебя и вкусы!», – говорит его выразительный взгляд.

А губы меж тем разомкнулись, чтобы презрительно бросить:

– А что, есть поп со смыслом?

– Достойные исполнители есть в любом жанре, – стараюсь ответить как можно вежливее.

Я уже подмочила себе репутацию сегодня утром.

– Твой вопрос, – напоминаю.

Интересно, все так общаются или это только у нас «любовь с первого взгляда»?

– Что делает тебя счастливой?

– Общение с близкими по духу людьми. Путешествия.

– Угу, – кивает он, поджав губы и не глядя мне в глаза, словно слушает только из вежливости.

Так и есть. Но не из вежливости, а от того, что так надо по правилам шоу. Интересно, в планах постановщиков был такой вариант – когда герои заранее терпеть друг друга не могут?!

– А по жизни чем занимаешься? – вскидывает наконец взгляд.

Тот самый случай, когда сложно ответить без подготовки.

– Я актриса, – выдаю без промедления.

Говорят же: если долго и уверенно внушать себе и другим

какую-то мысль, однажды всё так и будет. А вдруг?

– Что-то я не помню твоих ролей, – ехидно прищуривается он.

– А ты кроме боевиков что-то смотришь? – не остаюсь в долгу.

– Фильмы ужасов, – парирует он.

– Теперь понятно, что отложило отпечаток на твой характер.

Он хмыкает, видимо, оценив юмор. Но нет, показалось.

– Хорошая шутка, я куплю её за доллар.

– Так я и думала, что ты из этих, – презрительно фыркаю в ответ.

Когда уже кончатся десять минут? Меня начинает тошнить от общения. Боже мой, о какой любви вообще может быть речь?!

– Из кого?

– Представителей золотой молодёжи. Которые думают только о деньгах и всё измеряют именно так.

Он смеётся.

– А ты из представителей пролетариата?

– Я из тех, у кого ещё остались совесть и принципы. И как нас вообще могли в пару поставить?

Честное слово, случайно вырвалось. Ну не собиралась я ещё и с ним ссориться. Да что со мной, в самом деле?

Он хмыкает, как будто хочет сказать: «Ну ты и дура!»

– Мне вообще брюнеты не нравятся, – «добиваю» я. Ви-

димо, это будет последний гвоздь в крышке моей погибшей навеки репутации.

– Это главное упущение.

– Циник!

– Может, по делу уже что-нибудь обсудим? – не стал скатываться до взаимных упрёков он. И этим хитрым стратегическим маневром унизил меня ещё больше. Потому что я чувствую теперь себе неудовлетворённой и озлобленной склочной бабой.

– А ты чем занимаешься по жизни?

– Учился в институте, теперь работаю.

– Как познавательно!

– Расскажи о своих путешествиях, раз ты их так любишь.

Вот прямо не в бровь, а в глаз. Люблю, но мало где была. Не все же с безлимитной кредитной картой рождаются.

И что я могу рассказать? О том, как ездила в Питер в прошлом году, ходила с подружкой смотреть на развод мостов, и это произвело на меня неизгладимое впечатление? Стояли-стояли, жутко замёрзли. Наконец кто-то из группы не выдержал:

– А где мост?

– Вон, видите, палочку?

Впечатлений – ноль. Не от города, конечно, он прекрасен, хотя из-за ненастной погоды видели мы его в основном через окно автобуса и даже фоток нормальных сделать не получилось. Но хоть галочка есть: была, видела.

– Мне понравилось в Минске.

«Я была там одним днём три года назад, так что, пожалуйста, не спрашивай о подробностях», – это я добавляю мысленно.

Ему это, видимо, совершенно неинтересно, поэтому он кивает, вздыхает, и, окинув меня таким взглядом, как сваха смотрит на невзрачную и нищую невесту, не зная, куда уж её пристроить, безо всякой надежды на интересную беседу спрашивает:

– А отношения были когда-нибудь?

Такого «морального давления» я, конечно, не выдержала, и прежде, чем успела подумать, вдохновившись бесстрашными признаниями Леры, выкрикиваю в сердцах:

– У меня парень есть!

Ну всё, прощай мой миллион...

– А-а-а, да? – мгновенно оживляется он, и даже позу принимает гораздо более заинтересованную.

Ну всё, сейчас начнёт давить ещё больше. А я запутаюсь и прилюдно утону в этом вранье. Боже мой, как стыдно!

– И как его зовут?

– Даня!

Вот кто меня за язык тянул? Почему Даня?

«Визуализирую», – подсказал внутренний голос.

– Давно встречаетесь?

– Полгода.

Куда б записать, чтоб потом не запутаться в показаниях?

– А он долго держится.

– Циник!

– А ты неоригинальна. Это я уже слышал.

И так как иных эпитетов в моём лексиконе не нашлось, Антон продолжил допрос с пристрастием:

– А сюда-то зачем пришла? Тебя кто-то обманул, что у тебя есть особый шарм и обаяние?

Я задохнулась от гнева. Да как он смеет! Думает, раз красавчик, на него все вешаться должны? Ага, сейчас!

И прежде, чем я успела открыть рот, чтобы выдать что-нибудь эдакое, всё тот же голос объявил (видимо, в записи):

– На сегодня достаточно. Теперь вы знакомы немного лучше. Продолжим завтра.

Продолжим? Ну уж нет! Предоставьте мне валерьянку!

Но вместо неё я получила пять минут общения с близкими, что тоже неплохо. Ну почему с этим мерзавцем я вынуждена общаться наедине десять минут, а с теми, кто действительно нужен и интересен – лишь пять?

Первым делом набрала мамин номер – потратила полторы минуты, чтобы сказать, что всё хорошо, я подружилась с девчонками, кормят хорошо, а делаем... ну, пока ничего конкретного. Так, общаемся.

Увидишь по телевизору, мамочка. Прости свою непутёвую дочь!

Потом набрала номер Оли.

Хорошо, что комната, в которой мы общались, была ма-

ленькой, обитой изнутри для звукоизоляции и без камер. Честное слово, это самые счастливые пять минут в сегодняшнем дне.

Оля, выслушав мой короткий рассказ, вместо ожидаемого мной сочувствия, выдаёт совершенно иную реакцию:

– Да ты что?! Тебе же дико повезло! Ты других парней на проекте видела? А у тебя комбо-вариант!

– Что? – опешила я от таких неожиданных выводов.

– Что-что, – передразнивает она, явно торопясь, чтобы успеть высказаться прежде, чем нас разъединят. – Стильный, милая улыбка с ямочкой, идеальная фигура, превосходное чувство юмора. Про рост и красоту я вообще не говорю. Ты не видишь – он и-де-а-лен! – для пушей убедительности по слогам произносит подруга.

Я обречённо вздыхаю. Бесплезно. Всемирное помешательство это, что ли? На проекте все полюбили Антона всего за полтора дня. Скоро просто культ личности в местном масштабе ему создадут, позабыв про то, что вообще-то мы все здесь противники.

– Ну и что ты прикажешь мне делать?

– Постараться найти с ним общий язык. А там, глядишь, и влюбишься, – смеётся она. Издевается.

– Ещё чего!

Не бывать этому никогда!

– Это в тебе сейчас чувство противоречия говорит.

– Нет, это я говорю, – упёрлась.

Я и Антон? Пф-ф-ф... Он совершенно не в моём вкусе. И почему никто не видит его отвратительного характера? Или он только со мной такой грубиян, а с остальными – милый и очень приветливый? Решаю присмотреться.

Вместо того, чтобы, как и в первые два дня, сидеть в своей комнате, читать и общаться исключительно с соседками по комнате, выхожу «в люди»: больше времени провожу в общей гостиной, в разговорах участвую редко, в основном присматриваюсь к участникам. Интересно, кто и что из себя представляет.

Это не ускользает от взгляда Ясинецкой, о конфликте с которой я уже позабыла.

– А ты что, как тебя там, сидишь вечно, к разговорам прислушиваешься? – кивает в мою сторону, глянув через плечо своим любимым презрительно-высокомерным взглядом.

Даже не нахожусь сразу, что и ответить. Только колкость, как всегда, первой приходит на ум и соскакивает с языка:

– Да как-то неинтересно обсуждать шмотки. Жду, может, до нормальных тем однажды дойдёт.

Она смеётся – но, знаете, натянуто так, уже готовясь к ответному удару. Даже повернулась ко мне теперь боком, чтоб лучше видеть, и руку властно на спинку своего стула закинула.

– И что же для тебя входит в разряд «нормальных тем»? Ведь не хотела же снова ругаться, усугублять ещё больше. И как так вышло? Опять. С Антоном ругаюсь, с Дианой ру-

гаюсь – так за мной закрепится несмываемое амплуа скандалистики.

– Про книжки, наверное. У неё весь чемодан ими забит, – хмыкает высокая рыжеволосая Вика, которая «вроде-модель» и уже подружилась с Дианой, почувствовав, что рядом с ней тёпленькое местечко ей обеспечено. Фу, клоповник! И как я сюда попала?

Чтобы не раздувать скандал ещё больше (а меня, очевидно, выбрали как самую ущербную овечку), я решаю проявить мудрость и заодно применить неожиданный удар. Встаю и без всякого лицемерия, смешков и хмыканья произношу:

– Простите, девчонки, если обидела.

Хотела добавить ещё что-нибудь, но передумала. Неспеша отправляюсь в свою комнату. А за спиной слышу чей-то полушёпот:

– Ну что вы, в самом деле?

Проходя мимо сада, улавливаю весёлый смех. Парни оказались куда дружнее девчонок, не стали разбиваться на группки и практически всем составом, облюбовав себе сад, оккупируют его уже второй день, делясь своими сугубо мужскими секретами и интересами.

М-да, и чего стремились добиться организаторы? Мы же практически не общаемся парами. И рассказать-то им в пятницу будет не о чем.

Хотя тут я немного ошиблась. Одна парочка на проекте всё же нашла «общий язык». Даже имён их не помню. Она,

вроде, Тасей представилась, а он...

В общем, уже пару раз, блуждая по нашему довольно большому дому, я натыкалась на них. Они сидят вроде бы вместе, но не общаются. А когда мы все вместе собирались на кухне (трёхразовое питание у нас общее и по расписанию) или в гостиной (что редкость) – начинают изображать каких-то прямо безумных влюблённых. Причём игра так бросается в глаза, что не надо быть Станиславским, чтобы раскусить эту фальшь и отвернуться с презрением – тошнит. Они не целуются, нет, но вот эти вот: «Иди, котик, ко мне на колечки» и рука на плече, и томный взгляд, а потом тут же – на окружающих: видят ли, не напрасен ли этот спектакль?

Тут мы даже с Ясинецкой сошлись во мнении, когда она обронила однажды:

– Дешёвая постановка.

Точнее не скажешь.

В остальном неделя проходила спокойно и, я бы даже сказала, вяло. Хотя организаторы (менеджеры, редакторы – кем здесь были эти люди? Мы звали их просто «организаторы»), которые навевались к нам то с дисками с фильмами, то с едой, уверяли, что это только первая неделя такая – чтоб мы привыкли.

Для разнообразия на этой неделе нам устроили ещё два «испытания». Сначала – общение с психологом один на один. Та просто расспрашивает нас обо всём: о детстве, родителях, мечтах, идеальной картинке семьи и так далее.

Никаких выводов вслух не делает – просто помечает что-то в своём ежедневнике, улыбается и говорит: «Спасибо», когда разговор окончен. Каждый пробыл с ней наедине минут пятнадцать. Вопросы у всех практически одинаковые. Мы так и не поняли, для чего это было. Потом, на эфире, всё стало ясно.

А после нас снова сажают (как тигров в клетку) парами в одну комнату, дают белые листы с вопросами Артура Аро-на – их 36 штук, – и предупреждают:

– Осторожно! Эти вопросы могут вызвать сильную привязанность.

Мы смеёмся, конечно. Выслушиваем правила о том, что задавать вопросы нужно в чёткой последовательности и отвечать то, что думаем. Ладно.

Думали, за десять минут управимся, но оказалось, что потребовался почти целый час. Так что все пары заранее разделили на два дня. Мы попали в первый. И я честно настраивалась на то, чтобы вести себя тихо и мирно, не ругаться. Кто знает, вдруг я после этих вопросов увижу в нём то, что другие давно заметили?

– Выбирая из всех людей в мире, с кем бы вы хотели провести вечер? – задаёт Антон первый вопрос.

И сразу заставляет задуматься.

Из всех людей в мире...

Я смотрю на свой листок, стараясь сосредоточиться. Что мечтать о несбыточном? Пушкин? Кто-нибудь из современ-

ников? Бьёнсе?..

О, точно!

– Энрике Иглесиас.

Он хмыкает, но не смеётся. Идём к успеху. Уже две минуты сидим друг напротив друга и всё ещё не поссорились. Может, к концу опросника и правда случится чудо, и выйдем мы прямо как та сумасшедшая парочка? Как их там?

– Тогда я выберу Анджелину Джоли.

Это издёвка?

– Нам же сказали отвечать честно.

– Я и ответил, – пожимает он плечами.

Ладно.

– Вы хотели бы быть знаменитым? В какой области?

– В мире киноискусства, – тут мне задумываться не приходится.

– Я б пошёл в цирк. Клоуном.

И он опять хочет сказать, что не врёт? Какое мне, впрочем, дело?

– Если бы вы могли проснуться и приобрести любое качество или способность, что бы это было?

Я задумываюсь.

– Я бы хотела стать увереннее в себе. И...

Снова беру паузу для раздумья, и Антон не даёт мне ответить:

– И увеличить скорость мыслей.

Идиот!

А он уже читает следующий вопрос.

– Каким вы представляете себе идеальный день?

Почему я должна перед ним открывать свою душу? Он всё равно не поймёт.

– Давай ты теперь первый.

– Я хотел бы проснуться.

Секунда, две, три... Это всё?

– И? – тороплю я.

– И этого достаточно. Идеальный день формируем мы сами.

Какая наивность!

– Я бы поспорила, но ладно.

– А у тебя что? Двое детишек, муж, собака и вид на море?

– Муж-собака мне точно не нужен. Я хочу порядочного человека.

– Хорошая шутка.

– Но, в целом, почему нет?

– Да потому что это утопия. Какое-то размытое будущее, которое неизвестно ещё, когда наступит. А в твоём настоящем что, нет ничего хорошего? Серые будни?

Смотрите, какой философ! Конечно, золотой молодёжи нужно всего лишь «проснуться» утром, и материальные ценности, которые всегда в их распоряжении, помогут сделать день идеальным. А когда ты борешься за своё существование, считаешь копейки в последнюю неделю перед зарплатой и экономишь буквально на всём, потому что и следующая

получка уже расписана от и до, остаётся только мечтать перед сном, что всё это будет – и муж, и море, и отдых...

Вслух я этого не говорю, но о том мирном настрое, что был вначале, мгновенно забываю. Так, отвечаю для галочки, не особо рассчитывая на искренность и не выворачивая перед ним и камерами свою душу.

О чём вы мечтаете уже долгое время? Почему вы этого ещё не добились? Какое воспоминание вам дороже всего?

Почему я должна делиться всем этим? И с кем? С незнакомым почти человеком? С миллионами зрителей, которые ничего обо мне не знают и могут лишь обсуждать и осуждать? Это оказалось психологически тяжёлое испытание.

Я вру и не чувствую укоров совести. Антон тоже не слишком уж раскрывается. А что, кто-то из пар был действительно искренним? Бред это всё. «Продайте секреты за миллион». У нас не то что симпатии к концу часа, но даже дружбы так и не возникает. Мы и не стремились. Спасибо хоть не поцапались. Может быть, в нашем случае это уже успех?

Глава 8

Ясинецкая со мной не общается. От слова «совсем». И даже если ей приходится смотреть в мою сторону, делает она это с таким видом, словно я недостойна и этого.

Да уж, чувствую, в «Ундину» мне после проекта вход будет закрыт. Везде развешат таблички: «Вооружена и очень опасна».

Я надеюсь, её папочка не весь город держит?

Хоть какое-то разнообразие в нашу жизнь вносит пятничный эфир. Готовиться к нему начали ещё в среду. Ребят из первой группы, которые уже успели пообщаться друг с другом по особой психологической схеме, отправляют на примерку. Я в их числе. С каждым работает стилист.

Нас отвозят в тонированном мини-вене в торговый центр и устраивают персональные примерки.

– Тебе нужно платье с А-ситуэтом, – слышу в свой адрес я.

– Что?

– Трапезиевидного силуэта. Придуман Кристианом Диором в 1955 году и воплощён после его смерти.

– А-а-а...

О, Боже!

Мы перемериваем кучу платьев (штук семь, не меньше) разного цвета и кроя, подходящих под это описание. В конце концов я не выдерживаю:

– Да что хоть Вас не устраивает?

Какая разница, какое оно? Я же буду сидеть, а не по подиуму дефилировать! Разве у этой дамочки не стоит ещё три таких же девушки в очереди? А мы уже битый час маемся здесь.

– Я хочу видеть не платье на тебе, а тебя в платье, – ровным тоном реагирует стилист, и я сразу ощущаю к ней особое уважение.

Профессионал. Не раздражается, хотя у неё наверняка какие-нибудь артистки обслуживаются. Интересно, они ей закатывают истерики?

Еле удержалась, чтобы не спросить.

Наконец мы определяемся. Тёмно-бирюзовое платье-пиджак с неровным краем. Отражение в зеркале мне очень нравится. Не зря столько мучились.

Платье, конечно, остаётся у стилиста (кто б мне его доверил?), и привозят его строго в пятницу, чтобы забрать сразу после эфира. Стоит оно недёшево, и спонсор реалити-шоу – известный в России бутик – представляет одежду только на съёмки.

Студию к пятнице перестроили. Теперь здесь столики для двоих и один – для ведущих и пары участников – в центре.

Я разглядываю прибывающих «подопытных». Невооружённым взглядом видно, что с каждым хорошенько поработал стилист. На Ясинецкой чёрное платье в облипку, длиной по колено, с разрезом до середины бедра. Видно, её стервоз-

ность и не хотели скрывать, но выгодно подчеркнули, так что при всём своём отвратительном характере она выглядит ослепительно. Таня в кружевном платье шоколадного цвета и с высоким конским хвостом на затылке. Мы с ней пересекаемся взглядом, я и поднимаю вверх большой палец. Она не остаётся в долгу – улыбается и показывает мне сразу два больших пальца.

Парней нарядили в рубашки разных фасонов и брюки. Несколько секунд поблуждав взглядом, я наконец замечаю Антона. Он в тёмно-синей рубашке в мелкую светлую точку, в чёрных брюках и очках в черепаховой оправе. Чья, интересно, идея?

И почему мир так несправедлив? Антон имеет хорошее зрение, но носит очки для понта, а я вынуждена использовать линзы изо дня в день просто чтобы не чувствовать себя глупо, потому что дальше вытянутой руки всё расплывается.

Он не обращает на меня ровным счетом никакого внимания. Хотя чему это я удивляюсь?

До второго прямого эфира остаётся несколько минут, и нас начинают рассаживать за столики. Ведущие появляются за считанные секунды: она – с высокой уложенной в букли причёской, он – в синем пиджаке, светло-серых штанах и белой рубашке. Не понимаю я этой моды, вот правда. Как будто в последний момент что-то вылил себе на штаны, пришлось переодеваться.

На экране вновь отображается обратный отсчёт, и я чув-

ствую, как где-то в области желудка учащённо бьётся моё сердце. Ведь сейчас меня все увидят – родители, сестра, Оля, и ещё всякие там знакомые, которые до этого обо мне и не вспоминали.

Режиссёр даёт ведущим последние указания, а затем свет становится ярче, и начинается прямой эфир.

– «Не красота вызывает любовь, а любовь заставляет нас видеть красоту», – писал Лев Толстой. А смогли ли наши участники за первую неделю проекта разглядеть друг в друге что-то новое? Узнаем прямо сейчас. Меня зовут Ольга Верникова. Это Кирилл Матвеев. Добро пожаловать на пятничное онлайн-шоу «Лаборатория чувств».

Сегодня мы вроде должны рассказать о первом впечатлении друг о друге и выбрать (каким, интересно, образом?), куда отправимся на свидание.

Свидание с Антоном... С человеком, с которым мы и десять минут не можем пробыть вдвоём, не поссорившись. Да уж...

Я смотрю на него, сидящего за одним со мной столиком. За те три минуты, что мы уже рядом, он лишь однажды удостоил меня своим взглядом. Внешне спокоен. Прирождённый притворщик.

Я уже знаю, что нас ждёт: все девчонки по ту сторону экрана влюбятся в него и будут завидовать мне, не зная, какой он на самом деле. А во всех скандалах будут винить меня. Значит, я должна очаровать зрителей-мужчин. Только как?

– Первая неделя позади. Первое знакомство, первые симпатии и скандалы...

Ой, это же они не про меня сейчас?

– Кирилл, давай не будем долго томить наших зрителей, посмотрим короткое видео о том, как прошла неделя, и сразу же перейдём к общению с героями.

Мы смотрим ролик минут на пять – краткие фрагменты о нашем «заезде», общении друг с другом в общей гостиной, первом общении наедине. Подобные ролики по полчаса каждый ежедневно публикуются и на сайте проекта. Хорошо хоть круглосуточной онлайн-трансляции нет.

Потом ведущие начинают вызывать пары к себе для общения.

– Пётр и Татьяна, прошу вас, – и мягкий жест в сторону столика в центре.

Фух, хоть не первые... Есть время подумать, что говорить, и послушать, что отвечают другие.

Хотя чего я, в принципе, ожидаю?

– Очень необычные ощущения, но это забавно и интересно, когда с незнакомым человеком говоришь на искренние темы.

– Я бы хотел с ней пообщаться, потому что нам было комфортно. Я видел, что она понимает, о чём я говорю.

Пары сменяются, а тексты из их уст звучат почти идентичные.

– Он произвёл на меня впечатление жизнерадостного

и доброго человека. Когда он говорил о своих жизненных ситуациях, я вспоминала какие-то моменты и своей жизни.

– Было интересно покопаться в себе и другом человеке, найти что-то общее. Я бы с удовольствием продолжил с ней общение и вне проекта.

– Мне Максим понравился как человек, потому что он не боится открываться, дарит позитив и тепло. С ним очень легко общаться, не было чувства скованности. Нашим общением я очень довольна, – а это Лера, ещё одна моя соседка по комнате, и я наблюдаю за ней внимательнее, чем за остальными.

Она мне нравится. Довольно закрытая, но всё-таки скромная и порядочная.

– То есть тебе он понравился? – с загадочной улыбкой, явно рассчитывая выудить чуть больше, спрашивает ведущая.

– Да, – после паузы отвечает девушка и смеётся.

Её партнер тоже улыбается, но она это вряд ли видит, потому что боится даже глаза на него поднять. Как будто в любви ему только что призналась.

Но это не так, потому что у неё есть парень за стенами проекта. И ещё есть сестра-инвалид, которой очень нужны эти деньги. Поэтому она будет притворяться счастливой и влюблённой, и я не могу её за это осуждать.

– Ты бы хотела, чтобы у вас были отношения?

Похоже, ведущая заскучала от однотипных ответов и решила внести немного «перчинки».

– Об этом рано пока говорить. Но я бы однозначно хотела ещё пообщаться.

Ольга решает больше не мучить их и отпускает. А потом вызывает меня и Антона.

Я встаю, машинально одергиваю платье и расправляю плечи. Лучше не думать сейчас, сколько камер меня снимает, и сколько человек видит. Каждое моё слово могут потом перевернуть, обсудить и выставить как обвинение. Но долго ли будет длиться «успех»? Пошумят и забудут. Какая мне разница?

Антон галантно подаёт мне руку и придерживает стул, пока я присаживаюсь.

Я уже чувствую на коже жар софитов и вижу профессиональные улыбки ведущих. Они уже готовы задать мне свои вопросы. А я до сих пор не знаю, что говорить. Я сыта и практически выпалась – это хорошо. Всё остальное плохо.

Глава 9

– Мария, Антон, рада приветствовать вас за нашим столом! Как ваши ощущения после первой недели проекта? – с улыбкой говорит ведущая, и я стараюсь ей соответствовать, хотя чувствую себя великой мученицей.

Как бедные артисты с этим справляются? Ведь нужно всё время «держат лицо»?

– Необычные, – произношу я, и тут же жалею об этом, потому что внимание Ольги моментально сосредотачивается на мне.

– Чем именно?

Вот тут на меня нападает ступор.

– Ну расскажите о вашем знакомстве. Как это было?

– Знаете, иногда знакомство бывает таким, что хочется поскорее забыть о нём и начать всё сначала, – выпаливаю я. Зато честно.

И тут же ловлю на себе удивлённые взгляды Антона и ведущих.

Не быть мне артисткой. Как я буду давать интервью? Похоже, что-то не то сейчас ляпнула, хотя сказала как раз про знакомство – то самое, в павильоне, когда мы проходили кастинг. Пожалуй, не стоило этого делать.

Чтобы молчание не затянулось, а разговор не ушёл не туда, инициативу перехватывает ведущий – Кирилл:

– Что нового ты узнала о нём с тех пор?

Что нового? Что он мерзкий и самодовольный. Но это я и так знала, с первой встречи.

– Давайте я отвечу, – заявляет Антон, переманивая внимание в свою сторону. – Пока она думает, какое из моих качеств для неё самое важное.

В зале слышится смех, а я чувствую раздражение. Почему его шутки вызывают такую реакцию, а мои – лишь недоумение?

– Маша ждёт принца на коне, а ей в пару достался я – всего лишь... МММ...

– Лакей? – подсказывает Кирилл со смешком.

– Да нет, не лакей. Но так, вроде внучатого племянника короля.

Что он несёт?

Но, надо отметить, этот бред хотя бы отвлекает от меня внимание присутствующих и разряжает атмосферу в студии.

Ведущие обращаются ко мне ещё лишь однажды:

– Мы не можем ничего от тебя добиться.

– Ну, спишите это на моё скудное красноречие.

Только что я вырыла глубокую могилу своей творческой карьере.

Хотя кто сказал, что актёры и в жизни должны быть приятными людьми? Главное, талант, умение перевоплощаться на сцене и в кадре.

«А ты сейчас разве не в кадре?» – услужливо шепчет мне

внутренний голос.

Я выжимаю улыбку, и так, едва опираясь на руку Антона, добираюсь до своего места в зале. Скорее бы выключили уже эти камеры!

Потом вызывают Марка и Диану. За ними следуют ещё две пары, а после ведущие переходят к опросу. Узнают у всех нас, что такое любовь на наш взгляд.

Ответы звучат самые разные.

– Любовью нужно жить, а не говорить о ней.

– Любовь – это когда ты хочешь о ком-то заботиться больше, чем о себе.

– Её нельзя описать словами. Я предпочитаю чувствовать это, а не рассуждать.

Я слушаю, что скажет Даня.

– Это глубокое чувство. Всепоглощающее. Я его ещё не испытал. Иначе бы сразу женился.

Ведущие смеются, девушки улыбаются. По ту сторону экрана, уверена, тоже.

Его жестковатая подружка Крис не строит из себя белую и пушистую:

– Для меня любовь – это не те розовые сопли, о которых снимают кино, когда парни рыдают, потеряв девушку, вместо того, чтобы бороться за неё. И не охапки цветов. Любовь – это, прежде всего, дружба, только с дополнением в виде поцелуев и ещё сами знаете чего. У нас какое возрастное ограничение? Я могу это слово сказать в эфире?

– Я думаю, все и так поняли, спасибо.

– Ну тогда я всё сказала.

– Спасибо. Эля, вам слово.

– Я отвечу кратко. Любовь – это... – и зависает.

– Всё? Настолько кратко? – шутит ведущий, и в зале посмеиваются.

Она не обижается. Похоже, даже не понимает, что только что над ней немного поиздевались.

– Это внутри тебя. Когда ты видишь его или её и... Это чувство заполняет твой мозг, твоё сердце, твоё... всё. И эти бабочки в животе...

– Спасибо, Эля. Мы поняли. Мария, что ты скажешь по этому поводу?

– А что мне сказать, когда уже так много произнесено? Любовь спасёт мир. И пока есть любовь, есть жизнь.

– Логично. Антон. Что такое, по-твоему, любовь?

– Я должен ответить четкой формулировкой?

– Не обязательно.

– Тогда я расскажу одну историю. Короткую.

– Пожалуйста.

– Однажды мне посчастливилось познакомиться с удивительными людьми. Я часто видел их окна, там живут двое – мои соседи. Детей у них нет. Он всю жизнь трудится на заводе, она – бухгалтером в фирме. На путешествия денег нет, кое-как за всю жизнь на простую машину накопили. Но они счастливы. Она каждый вечер спешит домой и непременно

поднимает взгляд к окнам, где горит свет: муж уже дома. Всегда встречает её на пороге. Все тридцать лет. Я живу рядом с ними, я знаю. И, наверное, именно так выглядит любовь – когда тебя ждут.

Пару мгновений в зале стоит тишина. Я даже дышать забываю. Неожиданная речь от Антона. Даже сложно отреагировать, правда. Ведущим, видимо, тоже. Однако они профессионалы, и быстрее всех берут себя в руки.

– Проникновенная речь от Антона Гранникова только что прозвучала. И после этого нам уже, в принципе, не нужен на проекте психолог...

Ольга смеётся:

– И всё же давай послушаем, что скажет нам специалист, которая на протяжении недели наблюдала за тем, как проходит эксперимент, и сделала свои выводы. Есть ли потенциал у наших пар?

Все взгляды вновь перемещаются на экран.

Ни о ком из нас индивидуально психолог не говорит. Её речь больше посвящена вопросам Арона, на которые мы отвечали.

– ... Человек в этот момент выражает свои тревоги и радости. Естественно, он начинает испытывать симпатию, привязанность, близость уже на первых этапах знакомства. Ряд вопросов представляет собой зеркальное отражение, и направлены они на понимание того, чем мы друг на друга похожи, что у нас общего. Ты испытываешь то же самое, что и я. Эта

симметрия создает некую ситуацию, где я – это ты, а ты – это я. Начинает возникать чувство близости, просыпается влюблённость. Её провоцируют эти вопросы.

– А что можно сказать про отношения пар на данном этапе?

– На отношения нужно смотреть в динамике. Как было неделю назад, месяц, и как сейчас. Если какой-то рост есть, значит, есть и надежда на зарождение настоящей любви.

Когда ролик заканчивается, ведущие объявляют «самый драматичный момент вечера»: одна из пар должна покинуть шоу. Те, кому зрители отдали меньше всего голосов.

Объявляют так: называют пару, затем другую, и они постепенно выстраиваются в рейтинг на экране – кто ниже, кто выше, так что интрига, кто останется в хвосте этой таблицы, остаётся до объявления последних участников.

Я всю неделю мечтала о том, что именно мы окажемся в числе аутсайдеров, хотя вполне отдавала себе отчет: внешность Антона и его компанейский характер, который так меня раздражает, для других только плюс, так что в нашей паре будут голосовать за него, причём весьма активно. Просто чтобы подольше видеть на голубом экране, пусть и в сопровождении другой девушки, то есть меня.

И я оказываюсь права. Из десяти возможных мест мы оказались на третьей строчке. И о заветной свободе мне остаётся только мечтать.

Зато к заветному миллиону рублей я стала ещё на шаг

ближе.

А покинула шоу – весьма предсказуемо – та самая пара, чьих имён я даже не успела запомнить, которая всю неделю изображала неестественную любовь. Но им не поверили. Слишком наиграно и быстро всё было.

Кирилл, проводив участников, сообщает:

– Теперь вы видите, что у нас всё по-настоящему. И фальшь хорошо видна даже через экран.

Всё это мыльное бла-бла-бла... И от чего зависит успех, всем понятно. В нашей паре, например, от смазливой Антошиного личика. Фу.

Но тогда можно рассчитывать и на то, что Даня зрителей тоже зацепит, и, значит, останется здесь на какое-то время. И пусть на проекте нам нельзя близко общаться, но ведь однажды эта канитель закончится, и тогда никто не запретит нам встречаться с теми, с кем мы хотим...

«Стоп? А с чего ты взяла, что он захочет с тобой общаться? Он же и бровью в твою сторону не ведёт».

Это пока не ведёт. Просто ещё не успел разглядеть меня как следует. Ну и что, что у нас не с первого взгляда любовь – такая обычно быстро заканчивается.

– Осталось уладить одну формальность, – подхватывает речь Ольга Верникова. – Впереди у наших участников новая неделя и целых два свидания. Вы организуете их сами, одно будет от парня, другое от девушки. Вам пора узнавать друг друга ближе и общаться наедине.

Наедине? А два оператора с камерами рядом не в счёт?
Но это я уже потом возмущалась. Мысленно.

А в этот день после эфира, максимально быстро смыв макияж и переодевшись в пижаму, которая тепло пахнет домом, укутываюсь в одеяло и закрываю глаза. Только так можно укрыться от всего этого ужаса – чужих людей рядом, взглядов. От реалити-шоу, в которое превратилась моя реальность.

Глава 10

Слишком заморачиваться над нарядом я не стала. С чего бы? Да, это якобы свидание, но совсем не с тем парнем, с которым хотелось бы идти. Вот если бы речь шла о Дане...

Нацепила джинсы, кроссовки и симпатичную кофточку светло-бежевого цвета. Сделала высокий хвост. Подкрасила тушью ресницы, нанесла блеск на губы, припудрилась. Хватит.

Можно бы было, конечно, и стрелки забахать, но чего ради?

Первое свидание готовят парни, и я с сарказмом прикидываю, куда бы Антон мог сводить меня. В кафе? Вряд ли, там нужно сидеть и общаться, а с этим у нас весьма туго. Прогулка по Москве – вариант хороший, но тоже располагает к общению.

Мои соседки по комнате, хоть и не влюблены и даже не слишком дружны со своими партнерами, всё же оказались преисполнены воодушевления.

Таня смеётся, что её поэт, наверное, сочинит для неё поэму и будет очень этим гордиться. Лера предположений не строит, больше говорит о своём кавалере – Максим остаётся для неё загадкой. Ни плохой, ни хороший – вообще никакой. И очень скучает по своей сестре и парню, которого, видно, очень любит.

Лида была совершенно тихой, и лишь по её мечтательно-му взгляду понятно, что она преисполнена надежды и, может быть, это первое её свидание в жизни.

Моё, если честно, тоже – за последние два года. Но лучше Антону об этом не знать.

Наша встреча происходит в числе первых. Снаряжают с нами и двух операторов, которых я замечаю лишь поначалу. Камеры прикрепляют и к нашей одежде, но о них удаётся забыть довольно быстро.

Встретив меня в холле, Антон ничуть не меняется в лице – человек без эмоций. Пришлось взять игру на себя – нас же снимают.

– Привет.

На приветствие он не отвечает. У него, видимо, умственный процесс направлен в другое русло.

– Ты умеешь выбирать футболки под цвет лица.

Да уж, в искусстве делать комплименты он мог бы дать фору только сапёрной лопатке.

Однако я этот укол проглатываю и даже выдавливаю улыбку – не настоящую, конечно, а чтобы он понял, как сильно я хочу пойти с ним на свидание.

Мы выходим из здания, и я поднимаю вверх лицо и зажимаюсь от счастья. Как хорошо! Солнышко, свежий воздух... Вот когда по-настоящему начнёшь ценить жизнь.

У ворот нас уже поджидает автомобиль. Конечно, отпустить нас одних на метро опасно – фанаты могут узнать в лицо

и испортить свидание. Мы же вроде как время должны проводить вдвоём – узнавать друг друга, общаться, что там ещё?

- Куда мы пойдём? – решаю уточнить на всякий случай.
- На рок-фестиваль, – не моргнув и глазом, сообщает парень.

Я так и застыла на месте.

– Ты шутишь?

Он удивленно приподнимает брови и хмыкает. Почти так же спокоен, как прежде, лишь отдалённые проявления мимики, напоминающей, что у него есть какие-то чувства, указывают на то, что передо мной всё же живой человек, а не робот. Это не любовь и понимание, конечно – до этого ему далеко, – а удивление и сарказм.

– Я не пойду. По-твоему, это свидание?

– А что для тебя свидание? Целоваться под луной?

– Я с тобой целоваться не буду.

– Да у меня как-то тоже желания нет.

Я молча встаю на месте как вкопанная. И продолжаю смотреть на него в упор.

Рок-фестиваль? Он серьёзно? Думает, это хоть каплю романтично? Так он устраивает свидания?

Антон наконец понимает, что я не шучу, и всё с тем же спокойствием, не изменяя себе, лишь вздохнув оттого, что приходится прилагать усилия, чтобы уговорить меня, произносит:

– Либо мы идём на этот концерт, либо я устрою свой соб-

ственный перформанс прямо сейчас, и ты сумеешь оценить мой музыкальный талант во всей красе.

Признаюсь честно, соблазн сказать: «А давай» был большой, но шоу срывать в мои планы не входит. Скажут опять, что я истеричка. Пусть лучше увидят, насколько он неспособен организовать интересный досуг.

– Ну пошли, – цежу сквозь зубы.

Пятнадцать минут мы едем молча. Настроение было – вы сами поймёте. Слышен лишь смех операторов, которым не нужно снимать нас в дороге, а потому они развлекают друг друга байками и не обращают на нас внимания.

Периодически в беседу вступает и Антон, и никто не против. Его снова принимают за своего. А меня это дико злит.

Привозят нас куда-то на поле – такое огромное, что всюду только его и видно. И вокруг – масса людей. Они что, все поклонники рока? Надо было попросить притормозить у спортмагазина, чтобы купить бируши. Сколько нам здесь, интересно, придётся торчать?

Антон же уверенно шагает вперёд, так что мне остаётся лишь следовать за ним, на определённом расстоянии, конечно же, как будто я вовсе не с ним, а сама по себе. А следом и сбоку идут операторы с камерами на плечах, чтобы всё зафиксировать с разных ракурсов.

Интересно, куда повёл Ясинецкую Даня? Уж наверняка у него не такая убогая фантазия.

Мы минуем пост охраны, демонстрируем билеты, которые

тут же купили в кассе (а лимит по количеству народа здесь есть? Или пускают всех, кто заплатит?), а после отправляемся куда-то – Бог знает куда.

Территория фестиваля разбита на разные площадки, есть маленькие кафешки без столиков, где можно купить что-нибудь поесть и отправиться дальше. Всё это мы минуем. И наконец подходим к площадке, где уже настраивает гитары какой-то неизвестный мне коллектив (ещё бы! Я в жизни не слушала такую музыку!).

В центре лохматый дядька-солист с гитарой, с посеребрёнными уже волосами, скрученными в хвост, в тёмной футболке с черепами. Музыканты рядом выглядят чуть опрятнее, но им тоже за сорок. М-да... День весёлый.

– А здесь есть, куда сесть? – интересуюсь я, уже понимая, что ближайшие часов пять придётся простоять на ногах или сесть на траву (что нежелательно, конечно, для леди).

– Сесть? Вот сюда, в это мягкое кресло, которое я принёс для Вас в кармане, ваше Величество. Как хорошо, что Вы спросили!

Я сжимаю зубы и смеряю его тяжёлым взглядом. Но Антона это лишь рассмешило.

– Спасибо, ты такой добрый и чуткий, – произношу сквозь зубы, краем глаза замечая, что съёмки уже начались, и мысленно награждая Антона самыми нелестными эпитетами.

– Пожалуйста, милая, – и, в отличие от моей, его улыбка не кажется такой натянутой.

Хорошо натренировался, гад!

Антон делает ещё пару шагов вперёд, а я отворачиваюсь в сторону, разглядывая разномастную публику: так непохожих на меня девушек-пацанок с обилием татуировок по всему телу, парней с лохматыми, словно неделями нечёсанными и немытыми волосами... Есть и другие, но подходящих под описание – подавляющее большинство.

Хотя какое мне дело? Просто пару часов продержаться.

Представим, что это кино, приходится работать в предлагаемых условиях и декорациях. Камеры тоже есть, так что поверить в это вполне возможно.

И только я чуть-чуть, на мгновение, расслабляюсь, утешив себя этой мыслью, как прямо передо мной возникает неприятный субъект – довольно накачанный, с чёрными от татуировок руками, короткими сероватого цвета волосами, выше меня на полголовы и таким взглядом... Ну прямо охранник ночного клуба.

– Как дела, лап? – криво улыбается он, и от этого его выражения лица становится совсем не по себе.

– Я тебе щас лапы вырву, – тут же угрожающе произносит Антон, утаскивая меня за руку в сторону.

И не испугался, что этот «шкаф» в полтора раза больше его.

– А ты чё, парень её? – хмыкает в спину тот, и я по звуку шагов (оглянуться побаиваюсь), слышу, что он приближается.

«Ну всё, мы попали», – отмечаю про себя в панике с примесью отвращения, и даже успеваю заметить тянущуюся ко мне его плотную волосатую руку (как в фильме ужасов! Хорошая ж роль мне досталась!). Но тут же слышу совершенно спокойный голос Антона:

– Тронешь её – и ты труп.

– Ты серьёзно? – фыркает тот.

«Только не драка», – мелькает в голове. И всё это – за доли секунды.

«Ой, да это же всё из-за меня!» – приходит на ум следом.

И ещё одна мысль: «Сам виноват, нечего тащить девушку непонятно куда, тем более если это свидание!»

Драки, впрочем, не случилось (к счастью! Я всё-таки не настолько кровожадная). Не дождавшись ответа и заметив, что Антон, схватив меня за руку (довольно грубо), оттаскивает в сторону ещё на пару шагов, «шкаф» хмыкает и уходит. Видимо, был настроен благожелательно и ещё не успел принять на душу.

Интересно, Антон тоже пить будет? Я точно нет.

Меж тем мы опять двинулись куда-то в сторону, и Антон всё высматривает что-то – место получше найти, что ли, хочет?

– Зачем ты помог мне? – лишь бы что-то сказать.

– Могу вернуть его обратно, – любезно предлагает он.

Обратно мне не хочется, но и в долгу не остаюсь:

– Дох Кихот, блин.

– Так, я что-то не понял, – он даже останавливается от неожиданности, и мне приходится сделать то же самое. – Тебе что, не нравится, когда парень тебя защищает?

Честно говоря, с такой точки зрения я об этом не думала. Поэтому рывкаю:

– Нет!

– Тогда ты какая-то неправильная девчонка, – и отправляется дальше.

На самом деле, это неправда. И про то, что я неправильная, и про то, что мне неприятна такая забота (ведь это можно назвать хотя бы её подобием?). Но признаваться в этом я не собираюсь.

Не успеваю оклематься от одного происшествия, как снег на голову обрушивается новая порция.

– О, Антоха, привет! Наконец-то! Это за тобой след? – коротко стриженный миловидный блондин ткает пальцем в камеру за нашими спинами.

Мы поворачиваемся на автомате. Антон ухмыляется:

– Скоро и ты привыкнешь.

– Не-е, я на это не подписывался.

Мой взгляд быстро переметнулся к девушке среднего роста рядом с ним и на их переплетённые пальцы рук, так что блондин мгновенно перестаёт быть миловидным и превращается в обычного.

Помимо этой парочки к нам присоединяются ещё двое парней и одна девчонка.

Отлично, он ещё и друзей своих сюда приволок.

А так разве можно? У нас же вроде свидание.

Я вздыхаю и отворачиваюсь. Интересно, какое свидание устроил Даня? Нам бы поменяться партнёрами. Его «девушка» Крис вполне одобрила бы подобное мероприятие, судя по её стилю и манере общения.

– Представишь нас? – кивает в мою сторону блондин, и я стараюсь чуть-чуть улыбнуться, чтобы не производить впечатление зануды и несмеяны.

Антон представляет своих друзей, а потом называет меня:

– Марина.

– Маша, – чеканю я, откидывая назад волосы и стараясь не выдать эмоции – а они внутри ух как бурлят!

Ребята смеются, Антон лишь раскидывает в стороны руки и виновато пожимает плечами.

Минут пять он общается исключительно с ребятами, не обращая на меня никакого внимания. Одинокая девушка (не та, что с блондином) в это время подбирается ко мне и заводит разговор: расспрашивает, как я попала на проект, нравится ли мне, на кого учусь и что думаю об Антоне. А что я могу о нём думать? Правду сказать не могу, а обижать... Это ведь её друг.

Вика – так её зовут – правильно оценивает мою красноречивую заминку и смеётся:

– Я понимаю, с ним не всегда бывает легко, но, знаешь, это он поначалу кажется таким колючим. Ему просто нужно до-

вериться и открыться человеку, узнать его получше, и тогда ты поймёшь, какой он прикольный. И хороший друг, кстати.

В этот момент компания начинает шуметь, приветствуя новенького. Среднего роста и крепкого телосложения парень, с красной банданой на голове, с короткими волосами и серьгой в правом ухе.

– Андрюха, ты когда выступаешь? Мы за тебя поболеть пришли!

– Спасибо, пацаны. Антон, знакомь со своей невестой.

Антон проглатывает «невесту» и, взглянув на меня, мешкает. И я понимаю, с чем это связано. Хмыкаю и представляюсь сама:

– Мария, – и даже руку протягиваю ему назло.

Андрей пожимает её с улыбкой.

– Красивая. Повезло тебе, – кивает Антону.

Тот издаёт саркастический смешок, но от лишних реплик воздерживается. Лишь когда все увлеклись беседой, я наклоняюсь к нему поближе и произношу:

– Может, запомнишь моё имя? Или сделай себе тату на руке.

– Давай я буду тебя как-нибудь по-другому звать?

– Как, интересно? «Милая»? – корчу рожицу в ответ.

– Тебе не нравится «милая»? Тогда давай проще – «Э».

Честное слово, не знаю, каким чудом удержалась, чтобы не пнуть его.

– Такая скромная у тебя девушка, – по-доброму улыбается

один из его друзей. Кажется, Илья.

– В тихом омуте... – хмыкает другой, и, перехватив мой взгляд, становится серьезнее: – Ничего не водится.

– Там всё поддыхает, – поддерживает Антон, и все смеются.

И это он меня так защищает? Или на друзей это не распространяется? А может, какая-то местная шутка?

К счастью, тут заиграла музыка, начался рок-концерт. Друзья моментально поворачиваются к сцене, прощаясь с Андреем, который ушёл готовиться к выступлению.

Концерт наскучил мне уже через пару минут. И Антон, когда поворачивается взглянуть на меня, застаёт то самое мученическое выражение лица, которое изображает моё истинное состояние – я не успела подготовиться к этому взгляду.

– Не делай такое страдальческое лицо.

Я стерпела.

Не нравится ему моё лицо! Да мне он сам, например, не нравится, но я же молчу!

– И не пыхти так злобно.

– Я так дышу.

– Тогда у тебя гайморит.

Надменный придурок! Что он о себе возомнил?!

Помню, когда мы проходили на третьем курсе психологию, нас заставляли зазубривать термины, которые, казалось, не пригодятся никогда в жизни. А вот пришла пора – всплыло в уме: алекситимия – особое состояние, когда очень хочешь выразить свои чувства, но никак не можешь найти

подходящие слова.

Чтобы успокоиться (да я и так проявляю чудеса терпения!), интересуюсь:

– А почему у Андрея нет ни одной татуировки? Он же рокер.

– И что, это значит, что у него обязательно должны быть татуировки?

– Я думала, у всех рокеров они есть. Вроде как определяет их принадлежность к данному типу людей. Хотя он скромный. Мне так показалось.

– А ты наивная, – хмыкает он, изогнув губы в красивом подобии улыбки.

Уточнять, что он имеет под этим в виду, не стала. Но через пару минут скукотищи опять не сдержалась:

– И тебе правда всё это нравится? Или ты назло меня сюда притащил?

Он смотрит на меня снисходительно, как будто я сильно недооцениваю масштабы гениальности этого праздника громкой музыки.

– Вообще-то, это не просто «ж-ж-ж», это слова. И довольно толковые, если прислушаться.

Он отвлекается на какого-то парня, который недалеко от нас что-то явно ищет в траве.

– Потерял что-то, – комментирую я.

– Ты хочешь помочь ему в поисках, Марусечка?

Здрасьте, приехали!

– Не называй меня так, а то меня вырвет.

– Только не в мою сторону, пожалуйста.

Посылаю ему убийственный взгляд, а он и бровью не ведёт.

– Ладно, если тебе не нравится, могу звать «котёнок».

На «солнышко», извини, не дотягиваешь. Больше на тучку.

Невозможно общаться с таким человеком как Антон – с кособоким юмором, буржуазными замашками и скверным воспитанием, заметим в скобках.

Один из друзей Антона оглядывается на нас и заявляет:

– Что-то не заходит. Пойду чкалдыкну.

И поясняет для меня после паузы:

– Выпью. Яблочного сока.

Ага, так я и поверила.

– Мне иногда кажется, что тебе до сих пор пятнадцать, – замечает Антон в его адрес. Впрочем, без осуждения.

– Отстаю в развитии?

Ребята вновь смеются.

– Пошли, у меня там в машине припасено. Потом вернёмся, как раз к Андрюхиному выступлению.

Меня, конечно, не спрашивают. Из двух зол – оставаться одной или идти вместе со всеми – выбираю меньшее.

– Прикольные у тебя друзья, – негромко сообщаю Антону с долей сарказма.

– Ты про Славу? Ну, он такой – своеобразный. Но он мой друг, а друзей принимают такими, какие они есть.

Мы достигаем парковки, и Слава открывает багажник, демонстрируя нехилый запас пенного. Это что, в них столько влезет?

Одну из бутылок протягивают и мне, но я отказываюсь.

— Пра-а-авильно, — тянет владелец машины. — Извини, компота нет.

— Обойдусь.

На меня внимания почти не обращают. Мы общаемся с Викой, и я рада, что не одна в мужской компании. Есть ещё девушка Кирилла, но они не расстаются, и меня невольно кусает зависть.

— Давно они встречаются? — шёпотом интересуюсь у Вики, кивая в сторону парочки.

— Уже полгода. Она не из нашей компании, почти никогда не общается, просто сопровождает. Но Кириллу это пока не наскучило.

Судя по её тону, в долгосрочную перспективу этих отношений Вика не очень верит.

Тем временем парни ведут свой разговор в непринуждённой шутливой манере, и до меня доносится голос Антона:

— Шумахер так не трясётся над своей «Ферарри», как ты над этой развалиной.

— Вообще-то это раритет...

— Да понял я, понял, — снова смешок.

Похоже, издеваться над людьми — его фирменный стиль. Должно ли мне стать от этого легче? Пока не очень.

– Тох, а ты какую хочешь? – спрашивает Илья.

– Инкассаторскую.

Отсмеявшись, друзья вновь пристают к нему:

– А если серьёзно?

– Меня устраивает моя. Вот заработаю миллион на отношениях – тогда подумаю.

И переводит взгляд в мою сторону. И посылает воздушный поцелуй.

Я демонстративно отворачиваюсь.

Все снова смеются.

Мне кажется, он притащил меня сюда клоуном.

Ну и ладно, потерплю. Моё свидание для него ещё впереди, и я непременно придумаю что-нибудь эдакое.

Через десять минут мы отправляемся в обратном направлении, к сцене, чтобы посмотреть выступление их друга Андрея.

Я иду вместе с Викой и слежу за спинами парней, чтобы не потеряться. Позади следуют операторы, правда, уже не снимают. Видимо, это неинтересно. Почему бы им не сделать замечание, мол, ребята, у вас должно быть свидание, а не компанейская встреча? Ведь ничего, даже отдалённо напоминающего романтику, здесь нет. Но, похоже, в их задачи это не входит. Они лишь наблюдают за происходящим, не вмешиваясь.

– Что у нас сегодня? Пятница?

– Выпил три глотка, и уже вторник стал пятницей, – под-

девает друга Антон.

Мне скучно.

Я лениво рассматриваю людей вокруг и мечтаю, чтобы это скорее закончилось. Это самое ужасное свидание в моей жизни.

В тот миг, когда на сцену выходит наконец их общий друг, компания вокруг меня оживляется ещё больше. Одну или две песни я тоже пытаюсь «вникнуть в искусство». Но, видимо, мы не созданы друг для друга – я и этот жанр музыки.

Антон стоит рядом, но по нам и не скажешь, что мы пришли вместе. Каждый сам по себе.

А потом он вдруг наклоняется к моему уху и шепчет:

– Сладкая моя.

Я непроизвольно отшатываюсь от него и едва сдерживаюсь, чтобы не поморщиться. Это естественная реакция. И он специально меня провоцирует, потому что по его губам тотчас расплывается насмешка.

– Как тебе? – спрашивает он, кивая в сторону сцены.

– Ужасно. Когда мы вернёмся?

– А я так старался, выбирал для нас что-то оригинальное, – преувеличенно драматизирует он, изображая грусть-печаль.

– У тебя большие проблемы с пониманием романтики, – произношу в пустоту, не глядя на него.

А вот он, я чувствую, на меня смотрит.

Нам приходится кричать, чтобы слышать друг друга,

но в этот момент песня заканчивается, и мои слова, кажется, слышит половина присутствующих.

Я утыкаю глаза в землю, словно не вижу, что на меня смотрят все его друзья.

А что я такого сказала? Всего лишь правду.

– То есть мои комплименты тебе не нравится, свидание со мной – тоже, – продолжает издеваться Антон.

Я даже не знаю, снимают ли нас в этот момент или уже достаточно, ведь для того, чтобы показать встречи всех девяти пар, нужно смонтировать не больше пары минут каждого свидания.

– Я не против концертов. Но рок – это слишком.

– А я предлагал тебе спеть серенаду.

Представляю, что бы он спел. А потому делаю вывод:

– Музыка – это не твоё.

– Когда ты рассказываешь анекдоты, я же не говорю, что юмор – не твоё. Я терпеливо слушаю.

Вот же гад! И как он ухитряется так изощрённо меня задевать?

– А раз не захотела слушать меня, слушай других. Как тебе выступление Андрея?

Я не хочу обижать его друга, но назло самому Антону выпаливаю:

– В целом, если не считать, что он почти не попадал в ноты, это было забавно.

– Ну, если ты наизусть знаешь сложные классические про-

изведения и с трёх лет заслушиваешься оперой, чтобы судить, попадал он в ноты или нет, то я спорить не буду.

А вот тут, похоже, мой удар попал в цель. Ну конечно, ведь друзья – это святое.

А нечего было спрашивать!

И, кстати, опера – это хорошая идея для следующего свидания. Я подумаю.

– Осмелюсь поинтересоваться, какие исполнители тебе нравятся?

– Ну, например, Марк Тишман. Хотя вряд ли это имя тебе о чём-то говорит.

– От весёлой жизни фанатами Тишмана не становятся.

Мне обидно, хотя он прав. Под эти песни хорошо грустить, философствовать...

– Мы с тобой совершенно на разных волнах! – подвожу я черту и включаю капризную леди: – Мне надоело. Мы можем закончить на этом свидание?

Он пожимает плечами. Его друг как раз уходит со сцены.

– Сейчас попрощаюсь с друзьями и поедем, – слышу я вместо новых издевательств и возражений.

Надо же, как легко получилось.

Обратно мы едем молча. Хотя это я молчу, а Антон снова общается с водителем и операторами. Я одна, что ли, вижу, какой он?

После рок-фестиваля хочется тишины, но вместо этого мы попадаем на новый «концерт». Одна из пар орёт друг

на друга так, что стены едва не трясутся.

– Да ты вообще ненормальная! – и это самый лестный эпитет, который ей достаётся.

– А ты... – не остаётся она в долгу.

– Прекрати орать!

– И такая дребедень – целый день, – слышу я голос Тани на ухо. – Палата номер шесть. Жалко, табличка не висит. Пойдём в сад? Там пока свободно. Расскажешь, как прошло ваше свидание.

– Так прошло, что и рассказывать не хочется.

– Очень хорошо или очень плохо?

– Знаешь, где мы были? На рок-концерте.

– Ого!

– Угу. У меня уши заложило. А ещё там были его дружки, и он проводил время с ними.

– Так можно?

– Откуда я знаю?

– Ну ладно, следующее свидание устроишь на свой вкус, – подмигивает мне Таня.

Я хмыкаю. Ещё как устрою!

Глава 11

То, что происходит в доме, меня мало интересует. Я соскучилась по близким. Безумно хочу услышать голос мамы, сестры, получить поддержку от Оли, которая всегда знает, как нужно поступить и никогда не унывает. Ну, практически никогда. В отличие от меня.

В гостиной продолжается вчерашний скандал. Вика и Женья демонстрируют противоположный вариант тому, чего добиваются организаторы. Они ненавидят друг друга. Возможно, на это интересно смотреть – драматургия, конфликт, – но жить рядом с такими соседями попросту невозможно.

Наконец они расходятся по комнатам, и ненадолго наступает затишье. Я пользуюсь моментом и берусь за книгу.

С нами наконец-то начали заниматься. С утра – общий подъём и зарядка, завтрак, обед и ужин по расписанию, причём готовить мы должны по очереди. А чтобы не переругались, нам расписали дежурство. Ещё дважды в неделю индивидуально общаемся с психологом, можем заниматься творчеством – для этого у нас есть всё необходимое: книги, альбомы, музыкальные инструменты, фитнес-студия. В общем, при желании можно занять себя и с пользой потратить время. Но мне не хватает свободы. И близких. Очень сильно.

Таня и Лида на свидании, Лера в гостиной – вместе с другими девчонками смотрит телевизор. У неё с Ясинецкой кон-

фликта нет, а я не хочу видеть эту фифу. Мне лучше одной. Наверное, в этом моя проблема.

Открываю книгу. Привычная обложка – дверь в другую реальность. А за ней – жизнь тех, с кем я никогда не увижусь и не смогу поговорить, но о чьих судьбах мне известно гораздо больше, чем о тех, кто меня окружает.

Читать я люблю с детства. А ещё у меня есть болезнь – называется абиблиофобия – страх, что нечего будет читать. Поэтому я скупаю интересные книги, но примерно половину из них ещё не читала.

Читаю около получаса, а потом иду использовать свою возможность пятиминутного звонка. Время делю как обычно – неравномерно: две минуты – поболтать с семьёй, три – на общение с Олей.

Несмотря на то, что нам запрещено обсуждать проект по телефону, я уже не в первый раз нарушаю это правило. Ни о каких фишках и планируемых событиях не говорю, просто выкладываю свои ощущения – может быть, это и не нарушение вовсе.

Мама и Юля говорят о том, что мой «партнёр» – самый привлекательный. Я готова поспорить и привести не один аргумент, но молчу. Не хочу тратить время. Но когда о том же начинает говорить Оля, не выдерживаю:

- Да с чего ты взяла, что он такой уж хороший?
- Птицу видно по полёту, даже если она ещё птенец.
- Интересно, что тебе видно?

Меня это жутко злит. Все только и говорят о том, какая я счастливая и как мне повезло! Только в чём счастье-то? Кругом одна фальшь, а этот «замечательный парень» в лицо говорит такие глупости, что лишь за неделю проекта комплексов у меня стало в два раза больше.

– Ну я же не говорю, что эта ваша выскочка замечательная. Потому что так не считаю. Кстати, как там эта Мадонна? Не унимается?

Я усмехаюсь. «Мадонна» Ясинецкой очень подходит.

– Можно сказать, мы с ней попросту не замечаем друг друга.

– А вообще с кем общаешься?

Этот вопрос ставит меня в тупик. Стыдно признаться, но Оле можно:

– Да толком ни с кем. С Таней только немного, с которой живём в одной комнате.

– Плохо. Полезные знакомства лишними не бывают.

– А как узнать, полезное ли оно?

– Время покажет. Так что ты его зря не теряй, общайся больше, пока есть возможность.

Мы успеваем лишь пожелать друг другу удачи и попрощаться – время заканчивается. И я, подумав немного, иду в гостиную, пересилив себя, чтобы начать воплощать в жизнь Олин совет.

Оглядев девчонок, выбираю Элю. Она со своим миллионером тоже, похоже, не очень-то сблизилась за неделю.

А сейчас сидит в стороне от Ясинецкой и не участвует в общей беседе.

– Как же хочется на волю... – заявляю, подсаживаясь к ней. – Ты не заскучала по прежней жизни?

– Немного, – улыбается она и немного поворачивает ко мне корпус тела. Хороший знак.

Однако он оказался единственным положительным моментом. Оказывается, Эля фанатеет от какой-то рок-группы и, узнав про моё свидание, выпрашивает, видела ли я их. А мне сказать нечего – я этих артистов не разглядывала, да и не различаю их толком. Зато за сорок минут успеваю узнать о них всё: сколько альбомов вышло, кому или чему посвящена конкретная песня, сколько татуировок у солиста и что они означают, сколько раз Эля была на их концертах и даже что они любят есть. Это кому-то интересно? Я, правда, пытаюсь её понять. Но не понимаю. Не получив ответной реакции, Эля обижается и надувает губы. Я уйду к себе в комнату. Эксперимент провалился.

Зато через десять минут возвращается Таня и с воодушевлением рассказывает про своё первое свидание. Они ходили в океанариум, и Пётр покорила её своим знанием подводного мира.

– Он столько знает! Просто ходячая энциклопедия.

– Стихи не читал? – поддеваю её я.

– В этот раз обошлось. И вообще, что я поняла о мужиках за двадцать четыре года жизни: они все очень любят погово-

ритель о себе. И обязательно чтоб их хвалили. Только попробуй погладить кота против шерсти – уйдёт и не вернётся.

Я смеюсь. Но в её словах определённо есть доля правды. И очень большая.

Потом возвращается Лида, и по её виду становится ясно, что парень с красными волосами должного впечатления не произвёл.

– Не спрашивайте ничего, – перехватывая наши любопытные взгляды, бросает она и падает на кровать.

– Где вы хоть были можно поинтересоваться?

– Ходили в скейт-парк. Это точно было свидание? Меня чуть не покалечили.

– Я о своём такого же мнения, – сообщаю в ответ.

Постепенно Лиду удаётся немного разговорить, и вечер мы проводим весьма компанейски. Только Лера отсутствует, но мы её не ищем.

А когда перед сном отправляемся в душ, находим под дверью записку Татьяне. От Пети. И хоть она делает вид, что ей это всё безразлично, улыбка, которую она отчаянно пытается спрятать, говорит об обратном. Мне тоже было бы приятно получить такое послание. Пусть даже от Антона. Но ждать от него подобного не приходится. Нечего и надеяться.

Завтра у нас второе свидание. Теперь его готовлю я. И организаторы уже знают идею – мы обязаны их уведомить. Ведь и билеты покупают они, если нужно.

Думаю, мой спутник точно не останется равнодушным.

Раз уж он такой музыкальный – должен оценить по достоинству.

Глава 12

Я просыпаюсь раньше будильника. Лежу и слушаю, как тикают часы у изголовья моей кровати.

Ещё чуть-чуть – и раздастся этот мерзкий звук, обозначающий «подъём». И снова завертится безумная карусель.

Тик-так... Тик-так...

Одеяло натянуто до подбородка и в нём уютно как в ко-
коне – маленькое укрытие от этого мира.

Тик-так...

Неужели ради денег можно пойти на всё? Продать себя, продать тело, играть на камеру в счастливую жизнь, притворяться и так же учить жить других.

В какой из этих моментов теряешь себя? Ту, настоящую, что рисовала себе красивые картинки без зла и боли. А теперь и зло, и боль сумели не только проникнуть в мою жизнь, но и проросли во мне глубоко, с корнями.

Тик-так...

Наверное, если долго вот так лежать и думать, можно сойти с ума.

Но, видимо, и этого здесь не позволят, потому что раздаётся звук будильника на весь дом, и девчонки на соседних кроватях начинают ворочаться и причитать:

– Ну зачем нам вставать в такую рань? Мы что, в армии?

У меня энтузиазма гораздо больше. Сегодня моё свидан-

ние. Моё – потому что руковожу им я, и сегодня график Антона зависит от моих предпочтений. А я уж постараюсь на славу. И плевать, что это фиксируют камеры.

Выбираюсь из кровати и иду чистить зубы. За завтраком ловлю на себе его взгляд и довольно улыбаюсь. Да, в его взгляде – неприкрытое любопытство, смешанное с сомнением: что же я приготовила? Скоро узнаешь, милый. Если я обещала проблемы, я создаю проблемы.

Через сорок минут мы встречаемся в холле. На нём белая футболка, сверху – расстёгнутая джинсовая рубашка, на ногах тёмные брюки и белые кроссовки. Не могу не отметить, что ему это очень идёт, придавая неброский аристократичный вид. Хотя вслух этого, разумеется, никогда не скажу.

Я в цветном сарафане с широкой юбкой. Стилисты постарались. Жаль, что после всё это нужно отдать обратно.

– И куда мы? – слышу я вместо приветствия.

– Для начала: здравствуй, – с самой милой улыбкой на свете роняю в ответ.

– Если ты не заметила, мы уже виделись за завтраком.

– Я хочу поздороваться лично.

Он хмыкает.

– Ну, привет. Теперь ответишь на мой вопрос?

– Это сюрприз. Но я уверена, он придётся тебе по душе.

– Почему-то я в этом нисколько не сомневаюсь, – усмехается Антон и следует за мной.

Мы поменялись ролями, и мне это о-о-очень нравится.

Триумф в моих венах заставляет улыбаться по-настоящему и едва не пританцовывать на месте.

Машина доставляет нас в роскошное здание в центре Москвы, и парень, быстро стрельнув глазами афишу, возмущается:

- Концерт симфонической музыки? Ты серьёзно?
- Да. Я решила сыграть на контрасте.
- Спасибо, что не этот твой Тишман.
- К сожалению, он в эти дни не даёт концертов.
- Надо написать ему «спасибо».

Я не отвечаю. Отыскиваю места по билетам – весьма хорошие, в партере, – и жду начала. Антон в это время разглядывает публику и, похоже, это весьма его занимает.

Наконец свет гаснет, звучат аплодисменты.

– Я думал, концерты дают только по вечерам, – шёпотом сообщает парень.

– Это зарубежные гастроли. У них концерты в Москве только несколько дней, зато два раза в сутки. И, как видишь, полный зал.

Несколько произведений мы сидим, наслаждаясь музыкой. Во всяком случае, я наслаждаюсь.

А потом Антон опять ко мне наклоняется:

– А у них ускоренной версии нет для любителей вроде меня? Быстренько отыграли и всё: антракт и в буфет?

Я не могу сдержаться и хмыкаю.

– Нет. Не мешай слушать.

Он замолкает, но иногда краем глаза я замечаю его мученический вид и ликую. И откуда во мне такое злорадство?

В антракте он тащит меня в буфет, аргументируя тем, что ему нужно подкрепиться, чтобы выдержать эту пытку ещё час. А когда концерт наконец завершается, тащит скорее на выход.

– Мусорка там, – кивает в сторону, заметив, что я тереблю в руках билеты.

– Я знаю.

– Тогда зачем тащишь это с собой?

– Сохраню на память.

Его лицо делается таким удивлённым, словно он едва сдерживается от вопроса: «Эй, с тобой всё в порядке?» К счастью, комментировать ситуацию он благоразумно не стал. К своему счастью.

А вот я обратно еле иду – ноги натёрла, а пластыря нет. Утешает мысль, что скоро смогу сбросить обувь и вновь почувствовать себя комфортно. Но вот засада: едва мы выезжаем из столицы, автомобиль глохнет. Водитель несколько раз пытается его завести, но безуспешно.

– Придётся вам, ребята, на автобусе добираться. Деньги есть? Тут недалеко остановка. Скажете, до турбазы. Минут за двадцать доедете.

И мы вчетвером – я, Антон и два оператора – тащимся в указанном направлении. Причём я уже откровенно хромаю и спину держать нету мочи. Хорошо хоть уже не снимают.

– Туфли, смотрю, удобные, – хмыкает парень.

– Спасибо за сочувствие, – выдавливаю в ответ.

– Можешь опереться на меня, – милостиво подставляет свой локоть.

– Ещё чего!

– Почему-то я не удивлён.

Автобус подходит через десять минут, и в нём, на счастье, даже есть свободные места. Антон при своём росте почти в сто девяносто сантиметров, забыв пригнуться, ударяется лбом о перекладину, и я качаю головой, выражая тем самым всю степень его везения.

– Вот блин! – плюхается он рядом, потирая больное место. – Всё время врезаюсь во что-нибудь головой.

– А-а, так вот откуда у тебя травма мозга.

Он смотрит на меня с укоризной, но ничего не говорит. А я отворачиваюсь к окну и невольно улыбаюсь. Можно сказать, что второе свидание прошло успешно. Один-один. Посмотрим, что дальше.

Глава 13

А дальше наступает пятница и вечерний прямой эфир.

Перед этим мы, правда, успеваем вновь пообщаться со стилистом. На этот раз нам привозят несколько комплектов одежды домой. Платье подходит идеально – так говорят профессионалы, но я, если честно, считаю его бесформенным и слишком пёстрым. Однако спорить сейчас – себе дороже. Поэтому с покорностью выброшенной на берег рыбы принимаю свою участь.

– Под это подойдут мюли, – слышу в свой адрес.

– А что это?

– Один из самых древних видов обуви. Они бывают с каблуком и без, с закрытым и открытым мысом. Главное в них – отсутствие задника. Так, где у нас? А, вот. Примерь-ка. Отлично!

– В моём детстве это называлось без выпендрёжа шлёпками.

– Ой, девочка, не умничай, если ни цента не мыслишь в моде.

Вздыхаю и покоряюсь. Ну вот, о чём я говорила? Лучше молчать и покоряться.

– И ещё у тебя ноги иксом. Нужно по-другому раздвигать, – без церемоний заявляют мне.

– Что?

– Стойку другую принимать. Выигрышную, – повышает голос стилист, раздражаясь моей непонятливости.

Наконец пытка закончена. Наступает обед, а после мы начинаем готовиться к вечернему эфиру. По несколько человек заходим на грим и причёску, наряжаемся, и напряжение внутри растёт с каждой минутой.

За десять минут до начала съёмок мы собираемся за кулисами. Сейчас нас начнут рассаживать, а пока инструктируют ведущих. Те кивают головами, показывают что-то руками, но слов не слышно.

Я смотрю на Антона. Рост у него офигенный всё-таки. И сложен он хорошо. Всё остальное плохо.

Он перехватывает мой взгляд и искривляет губы в усмешке. Я отворачиваюсь, поджимая губы. Потом нас рассаживают за столы – снова парами.

Я поправляю свою одежду и вновь убеждаюсь, что это совсем не мой стиль. Разве к нам не должны прислушиваться?

– В этом платье чувствую себя коровой! Кто вообще придумал эту безвкусицу? – жалуясь под любопытным взглядом Антона.

– Да ладно, ты тут не самая страшная, – с беззаботным видом выдаёт он.

– Ты просто мастер делать комплименты, – цежу сквозь зубы.

Ответить он не успевает. Объявляют обратный отсчёт, а после звучит заставка шоу, и я внутренне собираюсь, хотя

по телу бегут мурашки.

Улыбаюсь – аж челюсть скрипит.

Да мне лечение нервных клеток потом обойдётся дороже!
И зачем согласилась на это?

Первой вступает Ольга Верникова:

– Чтобы узнать человека, нужно поговорить с ним. Как говорил Сократ: «Заговори, чтобы я тебя увидел».

– На этой неделе у наших участников была такая возможность, и не единожды. Каждый из них подготовил своему партнёру свидание на свой вкус. И что из этого вышло, мы вам сегодня покажем.

– В прямом эфире очередной пятничный выпуск экспериментального шоу «Лаборатория чувств». Меня зовут Ольга Верникова...

– Я – Кирилл Матвеев...

– И мы приглашаем вас заглянуть на нашу фабрику живых эмоций, неподдельных ощущений и самых настоящих человеческих отношений!

Для начала мы смотрим краткий видеоотчёт о том, как прошли свидания всех пар. Удивительно, но наши две встречи ухитряются смонтировать так, что всё выглядит почти идеально. Парочка острых моментов, конечно, попала на плёнку, но по реакции зала я понимаю, что это скорее играет нам в плюс.

Покосившись на Антона вижу, что и он улыбается. Это у меня что-то не так с восприятием окружающего мира?

Свидания других пар мне особенно интересны. Даня с Крис гуляли в парке, он купил ей мороженое, и они действительно смогли пообщаться.

– Банально, – комментирует Антон.

Я молчу. Рок-концерт, конечно, гораздо романтичнее!

Крис в ответ устроила ему свидание на картинге. Я бы даже на это согласилась. И Даня, кажется, остался в восторге.

Ясинецкой партнёр устроил прогулку на лошади.

– Класс, – вставляю свои пять копеек.

Антон косится на меня с подозрением.

– И это, по-твоему, романтика?

– А по-твоему, нет?

– Это банально.

– Ты это уже говорил.

– Настоящая романтика – это сюрприз.

– Типа рок-концерта? Музыки, которую я совсем не люблю, а ты даже не поинтересовался моим мнением?

– А ты бы хотела ужин при свечах?

– Даже это звучит лучше, чем то, что придумал ты!

– Это говорит о скудности твоей личности.

– Что? – шокировано выдавливаю я.

То же самое могу сказать и о нём.

– Зато он с цветами, – бросаю последний камень.

Но у Антона на всё есть ответ:

– С цветами любой дурак прийти может.

Понятно. Он только выглядит как рыцарь, а на деле – пи-

жон и жмот. И циник. Упёртый осёл.

Я могла бы мысленно одарить его ещё массой эпитетов, но шоу переходит к следующей части – каждый из нас должен ответить на вопрос: «Что вам больше всего нравится в противоположном поле?»

Выбрать одно качество сложно, но у меня преимущество – пока дойдёт очередь, могу послушать других и подумать.

Ясинецкая говорит: «Чувство юмора». Им бы с Антоном сойтись. Отличная была бы парочка!

Даня выделяет порядочность. Антон – неожиданно – цельность.

Комментировать нас не просят, а мне бы очень хотелось узнать подробнее. Однако теперь отвечать приходится мне, и я заявляю:

– Умение нести ответственность за свои поступки.

Потом ведущие читают избранные комментарии о парах из соцсетей. Мне это совершенно не нравится. Скорее всего, потому, что я боюсь услышать что-нибудь нелестное в свой адрес. Но обо мне, похоже, вообще никто ничего не пишет. Зато масса слов от поклонниц приходит в адрес Антона, и ведущая констатирует:

– Антон, ты нравишься женщинам.

– Да? – небрежно бросает он. – А мне хотелось бы нравиться одной.

И все вокруг: «ах!» А он сидит с видом святой простоты, будто и не сказал ничего выдающегося. Говорю же, пижон.

И обманщик. Играет на публику.

Вижу на транслирующем экране моё лицо крупным планом. Видимо, оно должно выражать сейчас что-то особенное. Какую-то ответную реакцию. Но я сижу с застывшей маской, будто это меня не касается.

Надо отдать ему должное: при всей своей мерзкой натуре он отлично владеет азами пиара. Наша пара вновь занимает одно из лидирующих мест рейтинга – на этот раз второе, а выбывает, предсказуемо, пара «Женя и Вика», которые замучили всех своими скандалами.

Но это ещё не конец.

Мы слушаем речь психолога о каждом из нас. И, честно говоря, мне не очень приятно, что о нас теперь знают все, кому не лень. Про меня она говорит вот что: «Она боится понравиться».

Что? И эти люди называют себя психологами? Не видит очевидных вещей! Я терпеть его не могу! Антона, то есть. И нечего подводить под одну гребёнку.

А потом ведущие объявляют, что на следующей неделе каждую пару ждёт свидание от организаторов и местный «капустник», то есть шоу талантов. Что?

Однако разбираться с этим сейчас смысла нет. Едва в студии гаснет свет и звучит заветное «Снято!», бегу в гримёрку, снимаю с себя всё лишнее, принимаю душ и наконец чувствую себя лучше.

Упав в постель, блаженно выдыхаю и закрываю глаза.

На сегодня это всё. Дамы и господа, спектакль окончен. Гасите в гримёрке свет. Дайте клоуну хотя бы во сне побыть тем, кто он есть. Человеком.

Глава 14

Я люблю, когда утро начинается с солнечного луча на одежде. С запаха кофе и мечтаний о том, каким будет этот день. Раньше такое было только по выходным, в рабочие дни я всегда спешила и часто опаздывала. Но теперь у меня нет выходных. И лишила я себя их по собственной глупости, подписав контракт на участие в телешоу.

Поднимаясь по будильнику, слышу ворчание девчонок. Мне хочется присоединиться к их дружному хору, но это лишняя трата энергии – её и так слишком мало.

За зарядкой следует завтрак, и там нам сообщают о том, что сегодня пары вновь ждёт общение тет-а-тет. Я недовольно поджимаю губы и закатываю глаза. И тут же натыкаюсь на взгляд Антона, а потом вижу, как он меня пародирует. Корчу рожицу в ответ и отворачиваюсь. Достал!

Я не умею открываться совершенно незнакомым мне людям. Мой круг общения до телешоу вообще был достаточно узким. А теперь его насильно пытаются растянуть, впихнуть людей, которых я не знаю и, если честно, знать не хочу. Да ещё и оценивают наши поступки, прошлое и поведение.

Нас отправляют в «комнату пыток» первыми. Это никто не видит, только камеры беззвучно фиксируют всё, что происходит.

Первый вопрос сразу ставит в тупик: нам нужно описать

идеальную вторую половину. Для чего? Ведь мы уже это делали, когда заполняли анкеты для участия в шоу. Я пытаюсь припомнить, что там писала, но это ведь была ложь, и память подводит.

Называю несколько качеств под пристальным взглядом Антона. Он лениво развалился на стуле, облокотившись на спинку стула.

– Заботливый, порядочный, с хорошим чувством юмора...

– Пока подхожу, – комментирует он с ядовитой ухмылкой. Так и хочется стереть это надменное выражение с его лица.

Недовольно смотрю в его сторону и добавляю:

– Не наглый.

– Ну вылитый я! Дорогая, ты могла бы не утруждаться и сразу назвать моё имя.

– Твоя очередь, – держусь изо всех сил, чтобы не реагировать на его выпады. Он нарочно меня провоцирует. Не знаю, зачем ему это надо. И почему нас поддерживают зрители. Хотя, очевидно же, из-за его симпатичной мордашки.

– А мне нравятся девушки, с которыми интересно. Это не набор качеств. Ты просто общаешься с человеком и понимаешь, что вы на одной волне. Вот и всё.

– Ясно. Дальше, – скучающим тоном вставляю я.

– Верите ли вы в любовь с первого взгляда? – читает он по бумажке. И тут же отвечает: – Нет.

– А я да.

– Кто бы сомневался.

– А что тебе мешает поверить? Если ты никогда с этим не сталкивался, это ещё не говорит о том, что такой любви не существует.

– Ещё скажи, что веришь в предопределённость судеб и того самого единственного, предназначенного тебе судьбой.

– Разумеется.

– Нет никакого единственного. Можно только выбрать, кто из окружающих парней наименее противен. Так что не стоит питать иллюзий.

– По-моему, ты просто человек, который никого не любит.

– Ну почему? Я люблю. Родину, – хмыкает он.

– М-да... А что вообще, по-твоему, любовь?

– Игра двоих – вот и всё.

– Ты серьёзно? Ну ты и циник!

– А тебе больше по душе наивные дурачки?

– Почему бы тебе не озвучить свою теорию на камеру?

– А я что делаю?

– А ты вливаешь сироп в уши, будто спишь и видишь, как бы завоевать моё сердце и прочие бла-бла-бла.

– Потому что людям больше нравится, когда их обманывают.

– Это точно. Знали бы они, какое ты бездушное чудовище, сразу бы отправили нашу пару домой.

Кажется, своим сравнением я немного перегнула палку. Но Антон не обращает на это внимания.

– Что, думала, побуду тут денёк-другой, и поеду домой пятки парить? А вот и нет. Мы тут надолго. Так что готовься.

– Ты больной?

– Может быть. Поможешь мне выиграть денежный приз на лечение?

И прежде, чем я успеваю сказать что-нибудь, вместе со стулом мгновенно придвигается ко мне и шепчет на ухо – так, что со стороны, наверное, кажется, будто мы воркуем, как голубки:

– Мы должны им запомниться. Потому что пока мы только одна из восьми оставшихся пар. Нужно, чтобы на нас обратили внимание. И пока мы на правильном пути.

– Кому нужно?

– Тебе и мне, – терпеливо поясняет он. – Так что не выпендривайся. Мы с тобой уже встали на этот путь, и сворачивать поздно. Здесь либо ты лучший, либо дальше будешь смотреть шоу по телевизору.

Я чувствую напряжение. Терпеть не могу это состояние: пятьсот километров мыслей, три тонны сомнений...

Наверняка этому павлину все девушки вслед смотрят, вот он и думает, что сможет сейчас ввести меня в состояние коматоза.

А ещё таким голосом у него наверняка получается шептать на ушко девушкам всякие глупости, осыпать компли-

ментами, раздаривать обещания... А потом их не выполнять.

С другой стороны, с ним у меня есть шанс дойти до финала. Можно и потерпеть.

– В первую очередь это шоу, и мы должны сделать так, чтобы зрителю было интересно. Чтобы он любил нас. Или ненавидел. Но второе чревато. Подумай.

И он так же быстро, как и подъехал, вместе со своим стулом отъезжает от меня в сторону.

– Теперь ты знаешь мой секрет, – заявляет во всеуслышание. – Следующий вопрос: как бы вы назвали своего ребёнка? Хм... Интересно. Ну, если когда-нибудь мы дойдём до такого этапа как рождение детей, то у нашего ребёнка будет самое необычное имя.

– Например? – фыркаю я, хотя и в страшном сне не могла бы представить себе такое.

– Какие ты знаешь редкие имена? Я знаю одно. Э.

– Э? – переспрашиваю в недоумении.

Надеюсь, я не покраснела. Он в своём уме? Шут гороховый.

– Что ты несёшь?

И почему он всем так нравится? Мозгов нет, одна оболочка.

– Ладно, это шутка. У тебя есть варианты? Только чтоб с моим именем в качестве отчества сочеталось.

Качаю головой. Мне совершенно не хочется продолжать

эту бессмысленную беседу.

– Ты просто... настоящий... Я даже слово подобрать не могу!

Цензурное слово, имею в виду. Чтоб на камеру можно было сказать.

– Рыцарь в сияющих доспехах?

– Циник.

– Ты повторяешься. Это уже было.

– Эгоцентрик!

– Уже лучше. Покажи нам весь свой словарный запас. Я уверен, он у тебя велик. Ты же любишь книжки читать, солнце?

– Кому солнце, а кому солнечный удар.

– И что ещё ты почерпнула, кроме плохих манер?

Но на этом наш увлекательный диалог прерывают сообщением о том, что общение наедине закончено. И мы расходимся в разные стороны, едва перешагнув порог дурацкой комнаты. Кажется, этот акт сыгран безупречно.

Глава 15

На следующий день нас собирают в общем зале для «шоу талантов». Вроде как мы должны выяснить, кто что умеет. Но на лицах каждого я вижу лишь смешки и презрение. Детский лагерь «Ветерок», честное слово!

– Наверняка каждый из вас обладает какими-то ярко выраженными способностями, – вещает ведущий. – Музыкальными, художественными, артистическими, литературными или какими-то ещё... Поэтому предлагаю об этом рассказать, а лучше – показать. Кто готов начать?

Первой руку тянет, конечно же, Ясинецкая.

– На манеже всё те же, – шепчет мне на ухо Таня.

Я хмыкаю и смотрю вперёд с любопытством. Ну и чем она удивит?

– Я несколько лет занималась гимнастикой, у меня хорошая растяжка.

– Можешь продемонстрировать что-нибудь? – просит Кирилл.

Ясинецкая тут же, не боясь порвать штаны, растягивает ноги в шпагате. Неплохо.

Ведущий хлопает первым.

– Ну а твой партнёр? Марк, кажется?

Тот кивает, встаёт и немного неловко проводит рукой по волосам.

– Ну, я всего понемножку в детстве попробовал. Художка, музыкантка...

– На чём играл?

– Саксофон.

– Мм, здорово. Сейчас что-нибудь помнишь?

– Нет. Давно уже не практиковал.

– Ясно. Ладно, кто следующий?

На сцену забирается миллионер.

– Если есть гитара, я могу сыграть.

– Да была где-то... Ира! Гитару принесёшь?

Помощница режиссера скрывается в недрах дома, а через минуту появляется вновь. Дружеской обстановкой как-то пока не особенно пахнет. А я думаю, чем буду удивлять. Я не спортивная, не музыкальная, рисовать не умею. Хотя неплохо знаю английский и испанский языки – это считается?

Пока миллионер подбирает аккорды, ко мне подсаживается Антон. Я смотрю на него с неудовольствием, но это его, кажется, ничуть не смущает.

– Ну что, жаждем?

– Чего? – тяну в ответ с презрением и брезгливостью.

– Ой, тяжело с тобой, – горестно выдыхает он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.